

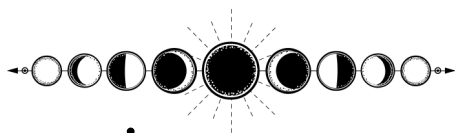


КОВЕН ОЗЕРА
ШАМПЛЕЙН

КОВЕН
ЗАБЛУДШИХ
ВЕДЬМ

КОВЕН
ТЫСЯЧИ КОСТЕЙ

АНАСТАСИЯ ГОР



КОВЕН
ТЫСЯЧИ КОСТЕЙ



Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрация на переплете *Дарьи Бобровой*
Дизайн обложки *Екатерины Тинмей*

Гор, Анастасия.

Г67 Ковен тысячи костей / Анастасия Гор. — Москва : Эксмо, 2022. — 608 с.

ISBN 978-5-04-160496-7

«Все кончено», думала Одри. Казалось, она победила всех врагов и наконец-то стала истинной Верховной ведьмой. Больше она ничего не боится, ведь рядом с ней Ковен — ее семья.

Теперь Одри придется узнать, каково это — нести бремя правления и защищать свою территорию. Ведь в Вермонте продолжают пропадать дети. И никто, кроме нее и Коула Гастингса, не в силах остановить таинственного убийцу. Новый Орлеан, ковен Санта Муэрте, мир мертвых — где еще им придется побывать ради этого? А между тем в Ордене охотников, что поколениями истребляют ведьм, ходит легенда, будто убьешь Эхойдун — уничтожишь магию.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гор А., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160496-7

ПРОЛОГ

Он любил это место всем сердцем. Толстые стены из серого гранита, не пропускающие ни тепла, ни чужаков. Ты будто оказывался внутри древнего склепа — безмолвная обветшалая крепость, хранящая многовековые традиции. Здесь столетиями обитали те, кого он считал родней — не по крови, но по духу. Прошло много лет, прежде чем он смог осознать это и обрести тут свой дом. Быть может, однажды это случится и с теми, о ком он заставил себя забыть...

Джефферсон потрянул головой и снова сосредоточился на том, что видел сквозь прутья решетки, делая несколько быстрых пометок карандашом. Ах, если бы он только умел рисовать! Костлявые лодыжки, оплетенные цепями. Оливковая кожа в гноящихся порезах и копна черных жестких волос, похожих на тугие пружинки. Неподвижное лицо, почти умиротворенное. Глаза ведьмы были закрыты, словно она спала полусидя, невзирая на боль от бесконечных пыток. Джефферсон мог поклясться, что при первой встрече они были желтыми с малахитовыми прожилками, как у кошки, и с лентовидными зрачками, как у ящерицы. Такие красивые глаза — яркий признак того, что у их обладателя нет души.

Немного подумав, он вычеркнул последнее предложение и захлопнул дневник.

— Дарий, достаточно!





на дне океана. Даже бездомные проныры, снующие по канализациям, не подозревали, что ходят по костям тех, кому обязаны жизнью.

Однако охотников становилось все меньше, а вокруг — все тише. С каждым годом убежища рушились, друзья умирали, а надежда, что разрозненные осколки Ордена соберутся воедино, таяла на глазах. «Ну и кто теперь вымиравший вид?» — слышал Джефферсон от ведьм, решивших съехидничать напоследок. «По-прежнему вы», — отвечал он, хоть это уже и не было правдой, а затем доставал меч и сносил вопящие головы.

— Имя! Она назвала имя! — воскликнул Дарий спустя минуту, не выдержав его молчания. — Мари Лаво...

— Королева Вуду? — насмешливо уточнил Джефф, замедлив шаг, пока вконец не остановился. — И что? Это определено не имя Лепестка.

— Да, но...

— А нас интересует только Лепесток.

— Вдруг ведьма говорила о себе? Вдруг это ее зовут Мари? — не угомонялся тот, косясь на дверь, и Джефферсон устало замычал. Бесстрашию Дария позавидовали бы даже берсерки, но легенды о ведьме с угольной кожей и таким же угольным сердцем, что когда-то гуляли по всей Луизиане, сидели в головах охотников с детства. — Если у нас в камере действительно Королева Вуду, то нам...

— Не носи чушь! Эта ведьма просто в бреду, — фыркнул Джефферсон. — Лаво сгнула еще в прошлом веке! Лучше вспомни, что эта девчонка еще говорила? До того, как я пришел. Должна же она была сказать нам хоть что-нибудь дельное за три чертовых месяца!

— Ну... Утром она ругалась на латыни, — пожал плечами Дарий. — Бормотала что-то бессвязное про Шамплейн и бабу с щупальцами из озера, про говорящих котов и череп с кокаином. Если это все-таки не Лаво... Должно быть, Рафаэль подкинул нам чокнутую.



Джефферсон привалился спиной к колонне и устало помассировал лоб, ноющий от очередной бессонной ночи, которую он провел в погоне за призраками.

— Возможно, — признал он неохотно. — Колдунам никогда нельзя верить, но Рафаэлю надо отдать должное: без него мы бы не нашли и половины тех, кто... — Джефф вдруг осекся, и рука соскользнула с рукояти навахона, неаккуратно очертив пальцами дол Шивы. По полу забарабанила кровь, но он даже не заметил этого. — Подожди... Ведьма сказала «Шамплейн»?

Дарий кивнул, и Джефф тут же поспешил к карте, кропотливо составляемой им в ходе долгих скитаний. Смахнув со стола охотничье снаряжение, он разложил иссохший пергамент и прочертил собственной кровью маршрут от Шрипорта до маленького, но чертовски знакомого городка.

— Но там Лепестку негде укрыться, — покачал головой Дарий, заглянув наставнику через плечо. Окружённый лесами и Зелёными холмами, Берлингтон удостоился лишь точечной кляксы и шрифта размером с тот, которым в контрактах пишут самые неприятные условия сделки. — В Вермонте нет ковенов...

— Сейчас нет, но раньше был. Ты слишком юн, чтобы помнить, — прошептал Джефф, судорожно роясь в памяти и рассказах брата, обрывки которых зазвенели в ушах. — Раньше, очень давно, озеро сторожил древний ковен родом из Франции... Ныне вымерший ковен. Жаль, что не нашими стараниями, но до сих пор ли он мертв? Хм... Нужно проверить.

Дарий скривился от мысли о новом путешествии в тесном фургоне, прожженном сигаретами, но возникать не стал, уже подбирая со стеллажа свой лук. Ни одно его слово все равно не имело для Джеффа реального веса: если тот что-то решил, то уже не передумает.

Земля, что отняла у него единственную опору в жизни. Воды, что породили ворох проблем для его семьи. Воздух,





пропитанный кленовым сиропом и гнилыми яблоками, который он не вдыхал с похорон своего старшего брата. Проклятый Шамплейн! Нет, это не может быть совпадением. Рафаэль обещал, что колдунья выведет их на след Лепестка, и он не соврал.

Джефф смахнул в рюкзак вещи вместе с картой. Улыбка растянулась на его губах — оскал, обещающий кровь, ведьмины потроха и веселье.

— Если Эхойдун там... — произнес Джефферсон, не заметив, как открылись желтые глаза по ту сторону тюремной решетки. — Если легенды о царице ведьм правдивы... Мы убьем ее и положим конец существованию магии. Наша охота скоро закончится, Дарий, и Орден исполнит своё предназначение.



фондана: Шамплейн, глубокий и преисполненный магии, никогда не замерзал целиком.

Поистине прекрасная зима — самая спокойная и счастливая из всех прожитых мною зим. Однако, будучи Верховной ведьмой, я не могла насладиться ею в полной мере. Особенно сейчас, когда болталась над землей вверх тормашками и отбивалась от плотоядных фэйри Неблагого двора, пытающихся урвать кусок от моей плоти.

— *Gu skin iad*, — прощebetала одна из них у меня над ухом, что дословно означало: «Снимите с них кожу, пока еще не остыли».

Мир кружился перед глазами, как кружилась и я, раскачиваясь на ветке орешника, связанная по рукам и ногам. Мягкие, но тугие веревки были сплетены из сырого мха. Они обвивали все тело, пережимая рот и горло так, что в груди пекло от нехватки воздуха. Постоянная качка заставляла желудок кувыркаться, и я постаралась сосредоточить взгляд хоть на чем-нибудь неподвижном, чтобы не потерять сознание.

В небе кричала полумертвая пещерная сова, а в нескольких метрах от нас простаивал накрытый стол. Сервировка из латунной посуды, скатерть из падуба, местные лакомства из зимних ягод и соленых грибов. Все выглядело так аппетитно, что во рту копилось слюна, но откуси хоть кусочек — подавишься желчной пеной от яда. Зато в деревянных кубках, увитых коваными виноградными лозами, плескался вполне съедобный пряный нектар. Темно-красный, как выдержанное вино, но мерцающий, как разлитое северное сияние. На вкус — мед и арахисовое масло! В нектаре фэйри можно было увидеть отражение своих грез и самых сокровенных желаний, а одним глотком разом утолить и голод, и жажду. Дальше дело оставалось за малым: дурман быстро вытеснял все заботы и мысли, делал тебя пьяным, послушным и глупым. Одна капля на язык — и ты уже никуда не хотел уходить. А фэйри тем временем подливали тебе еще



и еще... Но руководствовались вовсе не гостеприимством, нет, а голодом: как иначе усмирить добычу и заставить не дергаться, пока будешь разделять ее по частям? Именно поэтому железное правило мира фэйри гласило: «Никогда ничего не ешь на их пиру!»

Но если Диего и следовал каким-либо правилам, то все они сводились к «Умри молодым, зато красивым!».

— Эй, малышня! Давайте это обсудим, — улыбнулся Диего, неуместно довольный, как сытый кот, пусть и болтался на соседней со мною ветке. Успев налакаться нектара с дурманом, пока я копалась в англо-гэльском словаре, он теперь не мог вспомнить ни одного заклятия. Лишь бормотал что-то бессвязное и наивное, мобилизуя все свое очарование, которое на фэйри, увы, не действовало. — Вы же такие душки! Не надо нас... ик... есть! Мы можем привезти вам крекеры, сосиски... Яблочный пирог Коула!

Странно было ожидать, что ведьмак, всю жизнь идущий со смертью рука об руку, будет ее бояться. Инстинкт самосохранения у Диего атрофировался еще в детстве, когда он, судя по рассказам, додумался вступить в чикагскую мафию, едва отметив свое четырнадцатилетие.

— Очень вкусный, кстати, нектар. Ик!.. Можно еще? Ик...

Фэйри его не услышали, слишком занятые тем, что вспарывали на нас одежду маленькими спицами. Мы для них — лишь конфеты в шелестящей обертке. Сами фэйри были размером с мизинец, не больше — прыткие малютки, чьи мерцающие перламутровые крылышки трепетали в воздухе со скоростью крыльев колибри. Но, несмотря на их скромные размеры и миловидные платица из цветочных лепестков, аппетит у них был волчий. Как, кстати, и челюсти: пробравшись в палатку к путнику, уснувшему от сонной пыльцы, фэйри запросто могли отгрызть ему конечности. К нашему счастью, эта пыльца не действовала на тех, в ком тлела хоть частичка магии, а потому мне почти удалось высвободить руки.





Заметив это, фэйри застрекотали и облепили меня мо-скитным облаком. Один из них забрался мне под дубленку. Я завизжала и взвилась, когда острые зубки вонзились в нежную кожу ребер, пытаюсь прогрызть себе путь внутрь моего живота.

— Довольно! — вскричала я, выплюнув изо рта травяной кляп, и запястье наконец-то выскользнуло из петли. Прихлопнув пару докучливых фэйри ладонью и поморщившись от вязкой пурпурной крови, запачкавшей рукава, я прорычала: — Видит Титания, я пыталась решить все миром. Вы сами напросились, мелкие зубастые прилипалы! *Rhyddid!*

Лианы, затрещав, наконец распутались. Диего нырнул прямо в сугроб, замычав что-то на испанском. Чудом приземлившись на ноги, я выставила перед собой руки, сжигая мерцающие крылышки суетливых и прожорливых тварей дотла. С пронзительными воплями они бросились врассыпную. Рты их, искривленные и шипящие, были перепачканы в крови, что сочилась из моей вспоротой кожи тут и там, пропитывая дубленку. Особенно ныла шея: искусанная, она вся посинела от посягательств на мою сонную артерию, но раны быстро затягивались.

— Вы сгубили девять путников! Взрастили сонные цветы на каждом шагу и превратили леса Вермонта в свои охотничьи угодья, будто они принадлежат вам. Но это не так! Вы на моей земле, фэйри, — прорычала я, с упоением наблюдая, как большинство из них, оставляя за собой след из розовой пыльцы, устремились к открывшемуся portalу. Такой же розовый и искрящийся, будто вихрь из сахарной ваты, он уносил их обратно в родные края. — Правильно, валите в свои Неблагие земли! Передайте своей королеве, что, если сунется сюда еще раз, я сделаю из ее подданных зубочистки! *Dissiliunt et adolebit...*

Оставшиеся фэйри начали лопаться, точно переспелые яблоки, и сугробы забрызгало мелкими ошметками мяса.



Я раздавила ботинком чьи-то серебряные крылышки, трепыхающиеся на ветру, и те хрустнули под подошвой, как стекло. Даже не поморщившись, я мысленно заверила себя, что это не более чем жестокие насекомые, и вытерла обувь о снег, наблюдая, как он становится фиолетовым.

— Ты в порядке? — спросила я у Диего, когда портал в корнях дуба схлопнулся, навсегда отделив мир фэйри от мира людей.

— Да, вроде только задница отмерзла, — пробормотал он заплетающимся языком, неуклюже приподнимаясь на локтях с промятого сугроба.

— Это потому что ты сидишь в снегу... И не носишь трусы, — сморщилась я, вспоминая прошлое воскресенье, когда опрометчиво заглянула к Диего утром, чтобы разбудить его к завтраку. Ярый противник пижамы и нижнего белья, он даже одеялом не укрывался... Татуировка *Daddy* над пахом навсегда отпечаталась в моем сознании.

— Я только сплю без них, — разоткровенничался он, опрокидываясь обратно в снег. — А вот зимой ношу, и даже с шерстяным начесом. Холодно ведь!

Закатив глаза, я схватила Диего за руку и помогла подняться. Его куртка, распоротая фэйри, уже валялась где-то под скамьей, а шерстяной свитер висел лоскутами, изъеденный дырами, будто пережил нашествие моли. В прорезях виднелись чернильные сигилы, вытатуированные на смуглой коже, а бирюзовые волосы буквально светились неонами, чего с ним раньше никогда не случалось. Похоже, нектар действовал как колдовской энергетик. Жаль, что энергия эта пошла совсем не в то русло.

— Лучше ответь, — сказала я, глядя на Диего сверху вниз, когда он, покачнувшись, снова завалился на бок и забарахтался в снегу, — почему ты меня не послушал?! Я же десять раз повторила, что вся еда фэйри отравлена или зачарована, что ее нельзя пробовать, если мы хотим вернуться домой живыми!





— Мне было любопытно, — пробурчал Диего.

— Любопытно умереть?!

— Любопытно узнать, какова на вкус их пища. Боже, я в жизни лучше браги не пил!

— Это был нектар, — поправила я и высыпала на лицо Диего ворох снега, набранного в ладони, чтобы поскорее привести его в чувства.

Поперхнувшись и с трудом разлепив склеившиеся ресницы, он наконец-то протрезвел и снова поднялся, опираясь о перевернутую кем-то из нас скамью.

— Здесь осталось еще хоть чуть-чуть? — спросил он с надеждой, рыская взглядом по столу, заставленному лесными изысками.

Пестрый от изобилия, с нагромождением деревянных подносов и неестественно ярких листьев, что заменяли скатерть, этот стол навевал философские мысли. Гроздья словно только-только поспевших ягод, но заледеневшая земля вокруг. Никогда не доверяй тому, что выглядит так же хорошо, как пряничный домик из сказки про Гензель и Гретель: сладости не только детей заманивают в ловушку.

— Диего! — вспыхнула я, шлепнув того по ладони, когда он потянулся к забытому на пне бурдюку, от которого за версту веяло приторно-сладким дурманом. — Даже не вздумай тащить это пойло в особняк! Зачем ты вообще пошел со мной, если от тебя ни капли проку?!

— Ну решил, что одной тебе будет скучно, — объяснил он, набрасывая на плечи порванную куртку и неторопливо сшивая ее одними пальцами: ткань принялась срастаться на нем, как на мне срасталась израненная кожа под даром исцеления. — Да и вдруг сама королева Титания явилась бы на встречу? Тогда я бы просто обворожил ее своей улыбкой и...

— Титания — не Морган, — насмешливо напомнила я, и Диего скорчил в ответ гримасу. — Если бы она была здесь, мы бы уже лежали по частям на этом столе с печеными ябло-



ками в зубах и задницах. Ладно... Главное, что с фэйри покончено. Надеюсь, они не посмеют сюда вернуться.

— Вернутся — им же хуже. Ты страшна в гневе, Верховная, — промурлыкал Диего, подхалимничая, чтобы вымолить у меня прощение.

Верховная... Когда же я перестану втягивать голову в плечи от этого обращения?

— Мне так не хотелось развязывать войну в первые же месяцы своего правления...

— Ты не развязываешь войну, а показываешь, что являешься хозяйкой этих земель. Кто еще их защитит, если не ты?

Я поджала обветрившиеся губы и укуталась теплее в шарф, обвязав его вокруг ноющей шеи. Подняв с земли сумку, набитую польнью, склянками и мелкими кротовыми косточками, которые все равно негодились, я двинулась домой той же заснеженной тропой, которой мы сюда и пришли. Диего натянул на красные уши капюшон и поплелся следом.

В кустах что-то запищало, и я прищурилась, разглядев в глубине леса мерцающие облачка: пыльца кружилась в воздухе, источаемая существами, что не успели капитулировать вместе с остальными, а потому прятались теперь в зарослях можжевельника.

Озлобленный на них за ушибленную поясницу и головную боль, что пришла следом за эйфорией, Диего растопырил пальцы в агатовых перстнях и, взглянув на фэйри сквозь просветы между ними, шепнул что-то на латыни. Раздавшийся следом хлопок и ультразвуковой писк подсказали мне, что теперь ни одного фэйри в этих краях уж точно не осталось.

— Знаешь, если бы Зои была здесь, наши проблемы с Неблагим двором закончились бы еще на первом сожранном путнике, — вырвалось у меня, как вырывалось каждый раз, едва находился повод. Я сжала в кармане дубленки та-





лирман гри-гри с локоном черных волос, собранных с забытой расчески: он всегда был при мне на тот случай, если Зои наконец-то откликнется и выйдет на связь. Но такого не происходило, и вот уже несколько месяцев кукла из ее локонов и пряжи оставалась просто куклой.

— Да, но Зои здесь нет, и ты со всем прекрасно справляешься сама, — похвалил меня Диего, подкармливая Баби тыквенными семечками — тот вдруг спикировал ему на плечо, сопровождая нас от самого особняка. — Зои ясно дала понять в письме, что уже не вернется. Этого и следовало ожидать: ковен Вуду — ее родной дом. Мы можем только порадоваться за нее: она наконец-то вышвырнула этого лицемерного засранца Рафаэля и стала Верховной ведьмой! А почерк в письме точно принадлежит Зои, — добавил Диего, когда я уже открыла рот, чтобы выразить очередные сомнения, никак не покидающие меня. — Я сравнивал, Одри. Как еще донести до тебя, что Зои просто... ушла?

— Вот именно! *Ушла*, — вспыхнула я, сердясь: не то на нее, не то на Диего за то, что посмел произнести вслух то, что я не решалась произносить даже в мыслях. — Считаю, что бросила. Почему она не сказала об этом раньше, еще летом? Или почему не захотела увидеться? Существует масса заклятий для этого, даже не нужно приезжать лично...

— Потому что ей стыдно. Она ведь обещала привести ковен Вуду тебе на подмогу, а по итогу...

— Никто бы не стал винить ее за то, что она попросту не успела. Это так не похоже на Зои...

— Не похоже? Эта женщина нюхает кокаин из черепушки покойной *madre*!¹ Тем более ты сама говорила, что она вела себя странно перед отъездом. Так, будто не была собой, — напомнил Диего, и я прикусила язык в наказание: не надо было говорить о том, в чем сама до конца не разо-

¹ *Madre (исп.)* — мать (*Здесь и далее прим. автора*).



бралась! — Кто знает, что ей там стукнуло в голову под этим ее коксом?

— Она завязала с ним! Так что дело точно не в коксе. Вдруг это Рафаэль заставил ее написать, что все в порядке? Вдруг на самом деле Зои в беде?

— Тогда бы она позвала на помощь, — резонно заметил он. — Пускай ваш ковенант разорвался после того, как ты уничтожила Шамплейн в ночь Самайна, между вами по-прежнему есть связь. То, что ты не можешь ни найти ее, ни почувствовать через гри-гри, говорит лишь о том, что Зои и не хочет, чтобы ее искали. Такие же чары я использовал, когда по дурости сбежал из Санта-Муэрте...

Я замотала головой, но Диего, черт возьми, был прав: чья-то магия нейтрализовала поисковую гри-гри, пресекая любые мои попытки достучаться до Зои. Я все еще помнила то чувство, сдавливающее виски до крови из носа, когда держала в руках карту Луизианы и прощальное письмо с сургучной печатью в форме Дьявольского Языка. Это была не смерть, но пустота, как если бы никакой Зои не существовало вовсе. То же самое происходило и с вещами Сэма, к какой ни притронься: даже с той голубой ленточкой его матери, что, казалось, должна была стать лучшей путеводной нитью.

— Хорошо. А что насчет Сэма? — озвучила я другой вопрос, бросив на Диего скептический взгляд. Хворост и снег звонко хрустели под ногами, но даже эти звуки не заглушили того, как громко он цокнул языком. — Зои написала в письме, что Сэм остался погостить у нее в Вуду, а потом Сэм позвонил Коулу и сказал то же самое. Это тебе подозрительным не кажется? Сэм — трудоголик до мозга костей, который живет лишь драками, выпивкой и работой. С чего ему-то сбежать?

— Сэм же влюблен, — упрямо продолжил гнуть свою линию Диего, глядя на меня так снисходительно, что это начинало раздражать. — А Зои та еще штучка! Небось





сняла ему квартиру во французском квартале, приготовила джамбалаю, угостила «Лонг-Айлендом»... Какой мужчина устоит? Я бы точно сдался.

— Почему ты так хочешь верить во все это? — спросила я в лоб, остановившись посреди деревянного мостика, сотворенного из поваленных деревьев самой природой. Тот пролегал через подмерзший ручей, под тонкой коркой льда которого дрейфовали мелкие разноцветные рыбки. — Верить в то, что Зои и Сэм действительно просто осели в Новом Орлеане, чтобы заботиться о ковене Вуду и строить семейную жизнь. Это же так...

— Нормально, — вздохнул Диего, шевеля кончиком языка металлическое колечко, вставленное поперек губы. Новенькие титановые шарики в его брови, ушах и носу переливались, отражая сияние снега. — Это тебя смущает, да? То, что два взрослых человека решились на серьезные перемены? Одри, я понимаю и разделяю твою обиду... Но если Зои и Сэм счастливы без нас и не хотят, чтобы их тревожили, то почему за этим обязательно должно стоять что-то еще, кроме здорового эгоизма? Зои ведь дочь легендарной Королевы Вуду, а Сэм — матерый полицейский с десятилетним стажем. Все с ними будет в порядке. К тому же у тебя сейчас своих дел в Шамплейн по горло. Ты не можешь разорваться.

Я хотела пошутить, а не знает ли он, случаем, такого заклинания, но не стала: вдруг действительно знает? Диего всегда пытался приободрить меня, однако ему и без того хватало забот: маленькая ученица, животные-скелеты, призраки умерших, на которые он то и дело озирался, сверля взглядом гулкий зимний лес. Я видела там лишь тени, а он — шепчущихся мертвецов. Зои была ему товарищем по колдовству, но не значила для него так же много, как для меня: первая ведьма моего ковена. Первая опора. Лучший друг. То, что я вот так просто приняла эту ее правду, изложенную на старом пергаменте, присланном через два дня после



ную печь на птицефабрике и перепугал бедных фермеров. Нужно объяснить ему: или он ведет себя прилично, или убирается с нашей территории! Ты должна была поехать туда сегодня, помнишь? А вечером у тебя по расписанию встреча с неприкаянной, которая повадилась дурить жителей Уиллсборо — она наводит на них порчу, а потом сама же ее и снимает. Ишь, чего удумала! Это я изобрела этот трюк, — фыркнула Тюльпана и, поправив изумрудную фибулу в платиновых волосах, вдумчиво пролистала еще пару страниц. — Кстати, тебе давно пора разобраться со стаей демонов-эмпуз, ну тех, которых смертные зовут этим модным словечком «вампиры». Они снова опустошили запас крови в Берлингтонской больнице! Так что мы должны...

Чем больше я слушала, тем меньше я слышала. Диего, предвидя, что это затянется надолго, проскользнул мимо и уже развалился на диване перед камином в гостиной, выскребая из спутанных волос мелкий хворост. Баби помогал ему, впорхнув следом с улицы и подмигнув мне единственным целым глазом. Из его раскуроченной обескровленной грудины торчали тыквенные семечки.

— Одри, ты еще здесь?

Я вяло кивнула, расшнуровывая ботинки. Тело жутко ныло после двухчасовой прогулки по лесу и борьбы с неподатливыми лианами. Все, о чем я могла думать, — это о запахе глинтвейна, варящегося на кухне, и горячей ванне с эвкалиптом, что снимет не только напряжение в мышцах, но и стресс. Однако Тюльпану не беспокоило ни мое физическое, ни моральное состояние: даже не замечая, как я пытаюсь улизнуть наверх, чтобы спрятаться от этих вездесущих ковенских дел, она все тараторила и тараторила.

— Стоп! — наконец-то прервала Тюльпану я, когда почувствовала, как дергается правое веко. — Слушай, я только что расправилась с отрядом прожорливых фэйри, которые пытались освежевать нас на ужин. Дай мне отдохнуть, женщина!



— Ты Верховная ведьма, — сказала она то, что без устали твердили мне все вокруг. — У Верховной не бывает отдыха. Ты не следила за территорией Шамплейн без малого шесть лет! Разумеется, она обросла всякой грязью и нечистью. Повезло еще, что Джулиан напугал до полусмерти весь колдовской мир своей выходкой с геноцидом и сюда не сунулся качать права какой-нибудь другой ковен. Или, упаси Бог, эти чумазы неприкаянные! Они хуже цыган, когда речь заходит о дележке. Без обид, — пробормотала Тюльпана, бросив колкий взгляд на Диего. Тот лишь пожал плечами и ткнул пальцем в свою щеку, испачканную смолой: действительно чумазый. — Ты должна следить за Шамплейн, Одри, понимаешь? И глаз с него не спускать! Это как большой непоседливый ребенок, который вечно тянет в рот собачьи какашки. Твоя мать обозначила довольно большую территорию — все берега Шамплейн вплоть до границы с Нью-Йорком! Все это — наша зона ответственности. Вдобавок мы ведь должны на что-то жить. — Тюльпана обвела ручкой из павлиньего пера дорогое убранство комнаты, не забыв заострить внимание на стеллаже, что умещал в себе целый погреб изысканного вина. — Надо запросить налоги с того оборотня из Саут-Хиро и ведьмы из Уиллсборо. Согласны платить — пусть живут, но по правилам! Иначе мы не продержимся. Джулиан распродал всю недвижимость Виктории за те годы, что ты была в бегах. Да, мне удалось вернуть и переписать на твою фамилию пекарню и парочку магазинчиков в Берлингтоне, но их дохода не хватит на все те побрякушки с городских распродаж, которыми ты еженедельно забиваешь шкаф. У нас, конечно, еще осталось несколько драгоценностей твоей матери, но что-то мне подсказывает, ты захочешь приберечь их для противного карглазого потомства, а не закладывать в ломбард...

— Поняла-поняла, — сдалась я, падая в кресло и тряся головой, чтобы прогнать несвоевременные мысли о «потомстве» прочь. — Забота о территории — наше пропитание.





Жаль, с фэйри ничего поиметь не вышло. Впрочем, не думаю, что у них были при себе доллары.

— Когда твой ковен пополнится, станет легче, — попыталась подсластить пилюлю Тюльпана, задумчиво стуча кончиком пера по исписанным страницам. — Как правило, ведьмы рассредоточиваются по территории: кто-то ведет семейный бизнес, кто-то приструнивает новичков. Этим и занимался твой отец, Валентин Эбигнейл, пока Верховная сидела дома с детьми, но... Сейчас мы такое, как ты понимаешь, позволить себе не можешь.

— Хорошо, мой колдовской секретарь, — натянуто улыбнулась я, не поняв до конца, польстило Тюльпане мое обращение или же наоборот: она одинаково кривилась как от радости, чтобы не выдавать себя, так и от злости. Эти две ее эмоции было слишком легко спутать. — Я разберусь со всем, что есть в твоём дневнике, и буду следовать твоему расписанию всю оставшуюся жизнь... Но не сегодня.

— Что?! — Тюльпана вспыхнула, и цепочки-каффы в ее ушах звякнули от поднявшегося ветра, которому в доме неоткуда было взяться. Он почти затушил огонь, у которого грелся Диего, и тот схватился за кочергу, изо всех сил поддерживая в искрящихся поленьях жизнь. — Ты вообще меня слушала?! Времени не...

— Я обещала Коулу съездить с ним, — перебила я, и Тюльпана мгновенно притихла. — Где он, кстати?

Она замаялась и прижала к груди дневник — жест робости, который увидеть от нее доводится так же редко, как и улыбку.

— Уехал.

— Что значит «уехал»? Он обещал подождать!

— Я сказала ему то же самое, но в ответ он пробормотал что-то про изменчивый рабочий график и то, что не сможет отвезти тебя потом обратно...

— Короче, отмазывался, как мог, — поняла я, тяжело вздохнув.



— Хм, да. — Тюльпана кивнула и ехидно сощурилась: — Что, неприятности в раю?

Тюльпана не была бы Тюльпаной, если бы оставила такой веский повод для глумления без внимания. Не желая выслушать порцию светских острот, я мигом взбодрилась и вскочила с кресла: на отдых у меня действительно не было времени. По крайней мере сейчас, когда Коул нуждался во мне больше, чем весь Вермонт, вместе взятый. Даже если он сам до конца не осознавал этого.

— Как давно, говоришь, Коул уехал?.. Диего, выводи из стойла своего железного скакуна! Сегодня ты мой рыцарь в сияющих доспехах.

Диего, нарочито повернувшийся к нам спиной и копошащийся у камина в складках своей куртки, вздрогнул от неожиданности. Из-за его пазухи выскользнуло что-то увесистое и тяжелое, забрызгав несколькими янтарными каплями край арабского ковра. В воздухе повис аромат еловых шишек, земляники и дурмана, что придавал нектару медово-ореховый вкус, но напрочь лишал испивших его силы воли. Заметив, куда я смотрю, оскалившись, Диего поблел и попытался спрятать бурдюк с украденным нектаром фэйри обратно под одежду.

— Я так и знала, что ты его стащил! — прошипела я, но, быстро найдя выгоду и в этом, хитро сверкнула глазами: — Если не хочешь расстаться с нектаром и жизнью, то сейчас же отвезешь меня к Коулу.

— И все? — робко уточнил он.

— Разрешаю пить нектар только в своей комнате. Предварительно запершись на замок, чтобы не бегать по дому голым! Понял?

Диего облегченно выдохнул и выложил бурдюк на диван, видимо, тем самым согласившись с условиями нашей сделки. Натянув на лицо свою фирменную улыбку, от которой Морган, как правило, начинала заикаться и путать слова местами, он подскочил и застегнул куртку.





— Желание Верховной — закон. Пошел заводить мотоцикл!

Я одобрительно улыбнулась ему вслед, мысленно перебирая в голове план действий: перехватить по дороге что-нибудь съедобное, чтобы заглушить урчание в желудке, переодеться в сухую одежду и вычесать из волос еловые иголки. Надеюсь, что мне хватит на все про все десяти минут и Диего не зря бахвалится своей скоростью, я распахнула одну из дверей, которых в гостиной было целых шесть.

— Это туалет, — озвучила Тюльпана то, что я и так уже увидела.

— А, да, точно.

Я нахмурилась, вспоминая дорогу из гостиной до кухни, и открыла соседнюю дверь, но это оказался шкаф. Издав многострадальный стон, Тюльпана ткнула пальцем в увитую арку, откуда тянулся длинный коридор. Вспомнив, что теперь кухня находится там, где раньше была вульгарная золотая зала, я помчалась на запах глинтвейна.

Дом все еще складывался в моей голове, как пазл, и я с трудом ориентировалась здесь, порой плутая по часу в поисках собственной комнаты. Собранный из разбитых и расколотых камней, что хранили многовековую историю, особняк вновь ожил, но был уже не тем, что прежде. Мы все изменились — точно так же изменился и дом нам под стать. Ведь чтобы стать чем-то новым, нужно быть разрушенным до основания.

Удивительно уютный и такой же большой, как раньше, он отражал всех, кто собирал его по частям, стоя на холме вокруг руин в разгар осени и в центре созидательного ритуала. Наша магия — множество ручьев, объединенных в одну буйную реку, — сплела новое гнездо. Из осколков воспоминаний, из старых вещей и антикварной мебели, но с совершенно иным расположением комнат и своей уникальной красотой. Никакого пошлого золота, лепнины под потолком, помпезных колонн и геральдики. Теперь дом на-



поминал скорее загородную усадьбу, нежели королевский дворец: больше света, кремовых полутонов, темного дерева и узоров в стиле прованса. Меньше фамильных портретов, глядящих на перемены с укором, и меньше напоминаний о прошлом. Даже лестница изменилась: теперь она раздвигалась, как змеиный язык, и закруглялась под крышей, образуя балкон, похожий на театральный партер.

Восемь комнат на втором этаже и столько же на третьем, не считая множества ванн, одну большую купальню и тренировочный зал, в котором Диего и Коул порой спарринговали так, что весь дом ходил ходуном. Чердак был стерт с лица особняка вместе с кабинетом Виктории; все, что осталось, — это несколько проклятых реликвий и древние украшения, заговоренную шкатулку с которыми не смог бы уничтожить даже смерч. Для практики и обучения мне вполне хватало собственной спальни: маленький деревянный алтарь в углу, шкафчик для магических приبلуд, свечная полка и несколько ритуальных покрывал (одно для гоетии, второе для туергии, третье для викканства). Коул не возражал, лишь чихал от благовоний мирры и спешил открыть форточку, чтобы не задохнуться.

Всосав стаканчик ягодного глинтвейна, я тайком угостила им и Бакса. Все еще костлявый и с дырой в груди, прямо как Баби, пес источал кислый смрад разложения, который нельзя было перебить даже специальным шампунем и елочками-ароматизаторами, болтающимися на его ошейнике. Зато провожатым он был прекрасным: отыскав при помощи Бакса спальню, я быстро переоделась в чистые штаны и коричневый свитер Коула с настолько длинными рукавами, что ими ненароком можно было задушиться. Время поджимало, но я, конечно, задержалась: пальцы прошли по шершавому пергаменту письма, лежащего на комодe перед зеркалом. Вместе с моим невыспавшимся лицом оно отражало разбитую сургучную печать и те слова, что резали меня без ножа.





Дорогая Одри!

Я подвела тебя. Я обещала, что в час великой нужды мой ковен будет на твоей стороне, но опоздала. Пришлось бороться, долго и усердно, ведь Рафаэль слишком прикипел к своему незаслуженному трону. Я несколько дней валялась с лихорадкой от его проклятия, а когда оправилась и выставила его из Нового Орлеана, уже наступило второе ноября.

Мне стыдно, но я горжусь тем, что ты больше не маленькая Верховная — тебе хватило сил одержать победу над Ферн и без меня. Да, Сэм звонил Коулу, и тот все рассказал. Кстати, не переживай за него: он в порядке и, когда будет готов, вернется в Берлингтон. Ты правда заслуживаешь этого — долгожданного покоя. Пусть он будет долгим, как ваша с Коулом любовь и процветание Шамплейн.

Как ты уже поняла, это письмо — прощание, Одри. Я больше не нужна тебе, и это вселяет в меня надежду, что мы обе сможем начать жизнь с чистого листа. Помни, я всегда на твоей стороне. Если Шамплейн потребует помощи — пиши. Я навеки твоя должница.

С любовью,
Зои Лаво

— Бред какой-то, — фыркнула я в тысячный раз и, открыв ящичек с обувными щетками, швырнула письмо в его самый темный и замшелый угол, где ему было самое место.

Штрудель лениво наблюдал за мной с подоконника. Настоящий ветеран колдовской войны, вместо медали он получил дюжину мешков с кошачьим кормом, а потому стал еще толще и неповоротливее. Я успела дважды потрепать его за ухом, избежав клацающей челюсти, прежде чем сбегала по лестнице вниз. На улице уже вовсю рычал мотор отполированного черного Kawasaki.

— Только учти: я не Коул. По сравнению со мной он водит, как бабушка Карлитта, — поддразнил меня Диего,





что Ворожея просто хочет использовать Морган в своих интересах, Диего долго не соглашался на ее переезд. Чашу весов неожиданно склонила на свою сторону Шайя — третья Верховная ведьма Завтра, которой в этом году должно было стукнуть триста пятьдесят семь лет. Рекорд даже среди ведьм-долгожителей! А Диего бы никогда не простил себе, упусти Морган возможность набраться у такой мудрой колдуньи опыта, пока та еще жива. Пришлось доходчиво объяснить ему это, а Ворожею заставить поклясться, что Морган сможет вернуться домой в любой момент, как только соскучится по нам или по урокам нудной тригонометрии в старшей школе. Таков был уговор. И, надо признать, не самый плохой из тех, что мне доводилось заключать прежде.

Теперь оставалось только с трепетом переворачивать календарные листы, предвкушая двадцать второе декабря — ровно через пять дней, в утро Йоля, Морган должна вернуться домой. Праздник зимнего солнцестояния еще никогда не обещал быть таким веселым, как в этом году, ведь отмечать мы будем не только рождение бога Кернунноса, но и шестнадцатый день рождения настоящей царицы ведьм.

— Не ворчи! Ты знал, что это неизбежно. То, что случилось с Гидеоном, не давало Морган покоя. Нужно было увезти ее отсюда и занять чем-нибудь, пока она до дыр мой гримуар не протерла, — напомнила я, принимая из рук Диего мотоциклетный шлем. Клубнично-розовый и в пестрых наклейках, он явно принадлежал не ему. — К тому же рядом с Морган всегда Исаак. Он готовит преступно вкусный чай из облепихи и точно не даст ее в обиду!

— О да, Исаак — лучший защитник ковена, — саркастично буркнул Диего из-под своего шлема. — Когда он рядом, нет смысла кого-то бояться, потому что больше всех нужно бояться его.

Я вздохнула, сама не понимая, радует меня это или удручает — то, что мой отец принял решение отправиться в Мохаве вместе с Морган. Иногда я чувствовала себя всеми



покинутой, но кто-то должен был присмотреть за ней... И присмотреть за ним самим. Часы с диббуком, сломанные, жили на его запястье своей жизнью, но снимать Исаак их категорически отказывался: после сражения с Ферн ему прочно втемяшилась в голову мысль приручить диббука. Лишь Морган могла держать их обоих под контролем, поэтому, пока училась она, учился и Исаак. Скучать сразу по обоим оказалось гораздо тяжелее, чем по кому-то одному.

Поборов приступ клаустрофобии и втиснув голову в душный пластик, я залезла на мотоцикл.

— Лучше думай о том, что до Йоля осталось меньше недели. Ты обещал Морган закатить вечеринку, помнишь? Это же так необычно — родиться в йольский период! А в этом году зимнее солнцестояние и ее день рождения вообще совпадают, — улыбнулась я, решив сменить тему, пока Диего убирал подножку и газовал на нейтральной передаче. — Мама считала, что ведьмы, рожденные в праздники Колеса, — особенные.

— Ты до сих пор сомневаешься в этом? — насмешливо спросил Диего и сказал что-то еще, что заглушил рев разогретого мотора.

Я поморщилась, обнимая его за пояс и прижимаясь грудью к широкой спине, облаченной в ткань стеганой куртки, выстеленной изнутри овчинным мехом. На всякий случай я сцепила пальцы замком: судя по блеску бирюзовых глаз,глянувших на меня из-под стекла шлема, Диего намеревался показать мне, что такое форсаж.

Так оно и оказалось. Я едва не слетела еще в тот момент, когда он стартанул с места, подняв в воздух фонтан из грязи и мокрого снега. Проверив одной рукой, надежно ли сидит шлем, я намертво вцепилась в куртку Диего, слыша в заложенных ушах лишь его приглушенный смех.

— Морган ты тоже так возишь?! — крикнула я громко, чтобы он точно расслышал, когда мы в третий раз подпрыгнули на кочках и чуть не улетели в кювет. Но это заветное





«чуть» было гордостью Диего: то, как ловко он обращался с мотоциклом даже на гололеде, напоминало смертоносный танец навахона в руках Коула. И то и другое — результат изнурительных тренировок и врожденного мастерства.

— А я предупреждал! Ты же хочешь догнать Коула, верно? — ответил Диего. Я лишь жалобно мяукнула, уже проклиная ту минуту, когда попросила меня подвезти.

Зачарованный лес расступился, пропуская нас сквозь дебри, непроходимые для смертных и незваных гостей. Мы оказались в лоне Шамплейн — точно живой организм, он рос на пересечении лей-линий веками. Деревья были его костями, трава и земля — кожей, озеро — кровью, а особняк — сердцем. Никому не было дозволено забираться так глубоко, кроме нас — его души.

Мельком оглянувшись, я уже не увидела дом — тот остался далеко позади. Холодный ветер дул так сильно, что я кренилась с сиденья вбок, но не мерзла: адреналин растекался по венам драконьим огнем. Мы быстро пересекли заснеженный холм по дороге, проложенной джипом Коула — следы его шин были еще свежи на земле, — и тот перетек в узкую дорожку из мелкого гравия. Голые ветки то и дело хлестали меня по шлему: я пригнулась, вжавшись Диего в спину, и чувствовала, как она сотрясается в непрерывном гоготе. То справа, то слева мелькали блуждающие огоньки, подмигивая болотисто-зеленым светом и прощаясь.

Когда мотоцикл преодолел последний километр лесного лабиринта и выскочил на автостраду Шелберна, забитую под завязку в выходной день, спидометр уже показывал сто километров в час. Стараясь не смотреть туда, чтобы лишний раз не пугаться, я отвернулась. Поток машин в сторону Берлингтона был таким плотным, что почти не оставлял пространства для маневра. И все-таки Диего умудрялся мчать вперед, не сбавляя скорости: перестраивался из ряда в ряд и лавировал между машинами, заставляя меня повизгивать, а их — сигналить от зависти и раздражения.



— Налево, — крикнула я, и Диего послушно свернул на развилке в объезд Берлингтона.

Уже через десять минут показались заросли пихтовых деревьев, а еще спустя пять — огражденная территория с высоким железным забором и шлагбаумом на въезде. В отличие от Шамплейн, здесь не пахло праздником — только выхлопы от цепочки грузовиков и лекарства, горечь которых просачивалась даже сквозь темно-зеленые стены и решетки на безжизненных окнах.

«Психиатрическая лечебница “Этан Аллен”», — гласила кованая табличка на воротах, через которые нас пропустили лишь после того, как я наложила на охрану морок, сдунув с ладони толченый чертополох. Каждый раз при виде этого четырехэтажного здания у меня тревожно сосало под ложечкой: похожая на бетонную коробку, частная и весьма дорогостоящая больница кишела людьми, с которыми вряд ли захочется столкнуться в темном переулке. Я искренне сочувствовала тем, для кого это место стало вторым домом. Но еще больше я сочувствовала тому, ради кого мы с Коулом приезжали сюда каждое воскресенье.

Синий джип уже стоял на парковке и мигал фарами. Я довольно улыбнулась, когда Диего затормозил рядом, даже раньше, чем Коул успел вытащить ключ зажигания. В окне была видна лишь его кудрявая макушка и удивление, будто выведенное мелом на вытянувшемся лице.

— Передавай отцу привет, — сказала я Диего, бросив ему розовый шлем и неуклюже сползая с мотоцикла: коленки все еще дрожали, но показывать это было выше моего достоинства. — Скажи, что я скучаю и надеюсь, что Гён не влюбилась в него. Иначе... Заранее приготовлю ему зелье от порчи.

— Лучше прибереги для него баночку заживляющей мази: Исаака ведь теперь тренирует Луна. Может, такими темпами ему и впрямь удастся подчинить себе это «часовое зло»...





От «Луна» и «Исаак» в одном предложении я зябко поежилась. Безмолвно молясь, чтобы он вернулся домой со всеми конечностями, я расчесала пальцами включенные волосы и скривилась, когда Диего послал выглянувшему из джипа Коулу воздушный поцелуй. Снова рев мотора, снова брызги грязи на ботинках и ругательства рабочих, которых Диего чуть не задавил на парковке. Дождавшись, когда Kawasaki умчится за ворота и скроется в пихтовом лесу, я натянула свою самую любящую улыбку и повернулась к Коулу.

Закутанный в вязаный шарф до самого подбородка, он захлопнул дверцу джипа и сложил руки на груди, всем своим видом выражая недоумение. За эти два месяца он, казалось, постарел: пережитое проложило лапки морщин в уголках его глаз, а ореховая радужка будто потускнела. Каждую неделю я обновляла запасы успокаивающей ландышевой настойки, чтобы не наблюдать, как Коул мечется по подушке в очередном кошмаре.

— Надо же, успела! — воскликнула я с напускной радостью, когда гнетущая тишина между нами неприлично затянулась.

— Куда успела? — непонимающе спросил Коул, пока я ненавязчиво сокращала между нами дистанцию.

Долгое отсутствие солнца и мороз почти стерли с его носа веснушки, оставив лишь несколько крошек вдоль переносицы. Волосы, недавно подстриженные, топорщились на висках, а челка привычно вилась, падая на лоб. Коул сунул замерзшие пальцы в карманы длинного кашемирового пальто и нахмурился, глядя на меня с плохо скрываемым разочарованием.

— Ты обещал, что мы поедем вместе, помнишь? Но уехал один. Снова. Ты же это не специально, правда?

Я приложила титанические усилия, чтобы не прозвучать укоризненно, но не получилось: лицо Коула потемнело от вины. На мои объятия он ответил с обидным колебанием.



Мороз Вермонта словно пролегал между нами и застыл, превратившись в стену изо льда.

— Ах да... Тюльпана разве не сказала? Мне нужно захватить в участок после больницы, поговорить с Миллером... Я не смог бы отвезти тебя домой, поэтому и решил съездить один, — забормотал он, и я с облегчением заметила, как потеплел его взгляд, когда наши губы встретились. — А еще я думал, ты захочешь отдохнуть после фэйри. Сама говорила, какие они кусачие... И...

Второй поцелуй тоже вышел смазанным, больше приветственно-вежливым, но его хватило, чтобы Коул — мой настоящий Коул — вернулся к жизни. Каждый раз это место меняло его, подавляло, замораживая изнутри. Я прекрасно понимала, почему он так не любит брать меня с собой, но не собиралась с этим мириться.

Выпустив в воздух облако пара с запахом крепкого кофе, выпитого по дороге, Коул улыбнулся и потерялся своей щекой о мою, будто делаясь вспыхнувшим румянцем.

— Но я действительно не смогу отвезти тебя назад.

— Не страшно! Угоню чью-нибудь машину.

Я состроила дурашливую гримасу, пытаюсь расшевелить его, но Коул только закатил глаза и достал с заднего сиденья джипа бумажный пакет со стопкой сложенных папок, перетянутых бечевкой.

— Что это? — спросила я, на что Коул отмахнулся:

— Нужно сдать в архив несколько позаимствованных документов.

— «Позаимствованных» — это в смысле украденных?

— Да. Пару лет назад Сэм вел одно очень мутное расследование... Чтобы ускорить дело, он влез в больницу и «одолжил» кое-что, но вернуть, как всегда, забыл. Миллер чуть с инфарктом не слег, когда узнал. В каком-то смысле Сэму повезло, что он сбежал как раз тогда, когда эта его авантюра вскрылась.





«Сбежал» все еще резало слух, но иначе это действительно было сложно назвать. Поморщившись, я взяла Коула за руку и вошла вместе с ним в больницу, стараясь дышать неглубоко: от запаха пыли и хлорпромазина першило в горле. Иногда мне начинало казаться, что я состарюсь раньше, чем успею решить все проблемы, которые накопились за последние несколько месяцев.

— Так он все-таки сбежал? — осторожно спросила я, пока мы проходили пункт досмотра, позволяя двум упитанным охранникам в серых рубашках обыскать нас с головы до ног и отнять у Коула его обожаемую кобуру.

Он не больше моего разделял мнение Диго о том, что Сэм и Зои просто зажили счастливой жизнью под задорную джазовую музыку, а потому не переставал копать и искать. Только если я использовала для этого магию, то Коул — базу данных и прочие штучки полиции. Однако и то и другое было без толку. До этого дня.

— Я хотел рассказать, когда приеду домой, но... Машину Сэма нашли брошенной в Эббивилле. Это почти в двухстах милях от Нового Орлеана, — хмуро сообщил Коул сквозь писк металлоискателя, и сердце у меня пропустило несколько ударов. — Послезавтра ее должны пригнать в Берлингтон. Надеюсь, в ней найдется хоть какая-нибудь зацепка. Ты была права: думаю, письмо Зои — фальшивка. С ними обоими что-то случилось.

— Один-ноль, Диго! — фыркнула я себе под нос, когда охранник все же пропустил нас. — Так и знала, Коул, так и знала! Все, хватит с меня интриг. Скажу Тюльпане, что мы едем в Новый Орлеан. Если Зои действительно была там, Рафаэль может что-то знать... Это наверняка его рук дело!

— Что насчет вторника? Я мог бы отпроситься и...

Коул вздохнул, но не выдохнул, смолкнув на полуслове. Один вид обветшалого зеленого коридора — и Коул был неспособен думать ни о чем, кроме того, что ждет его в конце этого пути. Похожий на гигантского червя, проевшего серд-



цевину яблока, коридор тянулся через всю больницу, облепленный палатами. Из каждой доносились звуки: несуразное чавканье, истеричный смех, детские песенки и невнятные диалоги, которые пациенты вели в абсолютной тишине, отвечая себе разными голосами. Проходя мимо, я заглянула в узкое окошко, где женщина расхаживала от стены к стене, активно жестикулируя, будто объясняла что-то невидимому собеседнику.

«О нет! Знаю, о чем ты думаешь. Ты не такая. Они — сумасшедшие, а ты просто... особенная».

От несуществующего голоса в голове это прозвучало неубедительно. Я покосилась на Коула, но он даже ухом не повел. Очевидно, этот голос по-прежнему звучал лишь для меня одной — тихий шелест, напоминающий осень с ее опадающими листьями. Как и воспоминания о пережитом в Башне, голос не давал знать о себе с тех самых пор, как сгнула Ферн...

«И все-таки я еще здесь».

Какая радость!

Я поджала губы, пытаюсь затолкать эхо былых дней туда, откуда оно выползло, и осмотрела просторный зал, которым закончился зеленый холл. Оборудованный проигрывателем, диванами и стеллажом с настольными играми, он служил местом встречи для жителей данного заведения. Медсестры в белых халатах заботливо усаживали стариков за шахматные доски, а те, кого слишком щедро пичкали таблетками, сидели на ковре, уставившись в одну точку. Я едва поспевала за Коулом: он давно выучил расположение столиков и знал, что тот, кого мы навещаем каждое воскресенье, всегда занимает место возле высокого окна рядом с узкой скамьей. Там было достаточно светло, чтобы рисовать без лампы, и достаточно безлюдно, чтобы не пришлось ни с кем делиться любимыми мелками.

— Здравствуй, Гидеон.

Он медленно поднял голову и, смерив нас неизменно стеклянным взглядом, так же медленно опустил ее обратно.





На столике лежал альбом для рисования, а на коленях — открытая пачка с разноцветной пастелью, самой дорогой и яркой, какую Коул только смог добыть в художественной лавке. Одетый в синюю льняную рубашку, оттеняющую зелень его глаз, ныне спящую, как и зелень берлингтонского леса, Гидеон снова погрузился в кропотливую живопись.

Сглотнув сухость во рту, я подошла вместе с Коулом поближе.

Ребенок в теле взрослого мужчины — таким стал Гидеон в тот день, когда Морган вернула его с того света, и таким он оставался до сих пор. Мускулистый и широкий в плечах, крупнее Коула в полтора раза, с изящными чертами лица, тонкими губами и россыпью обворожительных веснушек... Но с абсолютно неживыми глазами. Глядя на Гидеона теперь, было сложно не думать о том, чего стоит такая жизнь. Не человек, а растение: ест пищу, но не чувствует вкус; перебирает мелки, рисует, но красоты не видит; смотрит на тебя и не узнает. Невзирая на все наши надежды, что в Берлингтоне ему станет лучше, что просто требуется время, Гидеон так и не оправился. У Коула ушел месяц на то, чтобы признать, что его брат не в порядке, и еще месяц на то, чтобы смириться с этим.

Хотя едва ли это можно было назвать смирением.

— Я привез тебе новый альбом, — улыбнулся Коул, протягивая Гидеону самую толстую папку из своей стопки, в которой, видимо, были не только документы для лечебницы. — И краски... И гуашь... Ну, если захочется разнообразия.

Но Гидеону не хотелось. Мельком взглянув на разложенные Коулом коробки, вытащенные из бумажного пакета, он проигнорировал их, взявшись за свои старые источенные мелки. Его альбом пестрел изображениями лошадей — грациозных и мощных, гнедых и вороных, скачущих через кавалетти¹ и пасущихся на лугу. Среди них затесались норки,

¹ Кавалетти — небольшие препятствия для обучения лошадей прыжкам.





Гидеон поднял голову, глядя на него сквозь кудрявую челку, и нахмурился. Это было единственным проявлением эмоций за долгие дни: светло-зеленые глаза же остались кукольными, возможно, просто неспособные выразить то, что творилось у него в голове. Или в душе, если Морган действительно удалось вытащить ее с того света. Как бы то ни было, теперь братские узы Гидеона не впечатляли: он просто вытянул свою руку из-под ладони Коула и взялся за следующий мелок.

Коул не проронил ни слова, но лицо его предательски дрогнуло.

— Хм, а у него талант, — попыталась разрядить обстановку я, наблюдая, как Гидеон задумчиво выбирает, какой цвет лучше подчеркнет изящество рыбьих чешуек — коралловый или индиго.

— Посидишь с ним? — попросил Коул, вставая и собирая папки. От фосфорных ламп на потолке под его ресницами пролегли чернильные тени, напоминая о том, сколько ночей он маялся от бессонницы, ища ответы на те вопросы, что прежде не приходили на ум даже закоренелым ведьмам. — Мне нужно найти главного врача и вернуть ему документы... Ой, все, кроме этих. Это надо отвезти в офис. — Коул вернул одну папку обратно на стол: в углу обложки стояла еще совсем свежая печать полицейского участка Берлингтона. — Скоро вернусь.

Когда бежевое пальто с зеленым шарфом скрылось за углом, я вздохнула и поставила локти на стол, сосредоточив все свое внимание на угрюмом творце.

— Мы найдем способ помочь тебе, — прошептала я, не оставляя надежды, что где-то там, глубоко внутри, Гидеон все-таки слышит нас и надеется на то же самое. — Мы с Коулом уже выработали несколько теорий на этот счет. Помнишь, как плохо он сам контролировал свои... социальные навыки? До того, как принял охотничий зов? Я думаю, с тобой могло случиться то же самое. Ведь зов крови — это

ваш первобытный инстинкт... Он мог включиться первым, вот ты и растворился в нем без остатка. Но Коул научился управлять им, так? Значит, нужно лишь понять, как вернуть и тебе нужный рычаг.

Гидеон выводил на чистом листе аквамариновые круги и выглядел совсем незаинтересованным в разговоре. Задумчиво постучав каблуком сапога по полу и смирившись с тем, что делиться своими мыслями с Гидеоном — то же самое, что делиться ими со Штруделем, я открыла оставленную Коулом папку.

Та соблазнительно поблескивала металлическим корешком и была толщиной с мою ладонь, а потому будоражила воображение тем, что же могло скрываться внутри. Я вдруг узнала пятна от кофе и крошки от сахарной пастилы, присохшие к швам: эта папка уже бывала в Шамплейн, часто дожидаясь пробуждения Коула под его подушкой. Я знала лишь то, что над этим делом он бьется уже два месяца — и все безрезультатно. Слишком зацикленный на Гидеоне и тратящий на него не только все деньги, но и все свое свободное время, Коул вечно не успевал. Но категорически отказывался принимать мою помощь и подпускать к этому расследованию... Интересно, почему?

Заглянув внутрь, я быстро поняла причину.

«Томас Райт, 8 лет. Найден в канализационном люке бригадой рабочих. Отсутствуют тазобедренные суставы, малые берцовые кости, пять ребер, надколенник...»

В горле встал ком. Я уже и забыла, каково это — иметь дело с вопиющей человеческой жестокостью. Это навевало воспоминания о кожаном блокноте, исписанном вдоль и поперек заметками о ритуальном убийце, с которого и началась наша с Коулом история. Но на этот раз блокнота было бы явно маловато...

Я пробежалась взглядом по нижним строчкам: крупный безобразный почерк, напоминающий заостренные шпигли забора, явно принадлежал Сэму, который вел это дело до





своего исчезновения. Задумчиво пролистав несколько страниц так, чтобы не приглядываться к фотографиям с крошечными расчлененными телами, я прочитала одними губами:

«Ребекка Уивер, 10 лет. Реджина Голфид, 7 лет. Джейкоб Локвуд, 12 лет. Майя Силк, 8 лет. Улик не найдено».

Ни одной?..

«Он не оставляет следов. Теперь уж точно».

Что это значит?

Но голос не ответил. Я тряхнула головой и вдруг услышала шелест бумаги: стянув из конца папки один непришитый лист, Гидеон уже вовсю облагораживал его цветными мелками.

— Ох, твою мать! Гидеон, это же отчеты Коула! Миллер его за это...

Я уставилась на рисунок, что выходил из-под его пальцев, перемазанных пастелью. Черным заостренным брусочком он судорожно выводил длинные конечности странного существа, примостившегося в углу отчета. Постепенно они обросли крошечными ворсинками, такими натуральными, что казалось, коснешься — и действительно почувствуешь под пальцем пушистый покров. Я перегнулась через стол, пытаюсь разобрать, кому именно они принадлежат: следом за восемью лапами появились восемь глаз, крупное грушеобразное тело и клешни, торчащие из разинутой пасти. Гидеон, не моргая, рисовал гигантское насекомое, заполнившее собою почти весь лист.

Нет, секунду, то было не насекомое...

— Паук? — нахмурилась я, и Гидеон поднял голову, поддвигая отчет ко мне.

Да, и впрямь паук: заштрихованный и будто скалящийся, он таил в себе угрозу. Я никогда не боялась пауков, но чувствовала страх в лихорадочных движениях Гидеона, пока он рисовал, и в том, как он сжимал грязные ладони в кулак, забывая моргать. Очертив плотный контур рисунка, я растерла черную пастель между пальцами.



— Почему ты нарисовал паука, Гидеон?

На миг мне показалось, что я вижу в его глазах давно знакомый мне упрек, но не прошло и мгновения, как они вновь утратили осмысленность. Я остановилась на том, что мне действительно просто показалось, и захлопнула папку, пока не вернулся Коул и не заметил, что Гидеон сотворил с документом.

Попрощались они до странного быстро. Вернувшись с выполненной миссией, Коул что-то прошептал брату на ухо и взлохматил его кудрявые волосы, как когда-то тот делал с ним. Нос Гидеона странно сморщился, но я уже была слишком близко к выходу, чтобы думать о чем-то, кроме долгожданного глотка свежего воздуха.

— Я убил своего брата.

Мы остановились на крыльце из серого камня перед капотом его джипа, и Коул вынул из кармана бронзовое зеркальце. Я и не заметила, как он стащил его из моих вещей, где то хранилось долгие месяцы нетронутым. Казалось, Коул даже забыл о его существовании... Но нет. То, что зеркальце вернулось к нему, не сулило ничего хорошего. Однако каждый справлялся с нервами, как мог: Диего курил ментоловые сигареты, Тюльпана проклинала официантов и ухаживала за садом, а Коул чем-то занимал беспокойные руки. Всяко лучше, чем сходить с ума внутри, будучи абсолютно спокойным внешне.

— Я убил своего брата, — повторил Коул, стиснув зеркальце до скрипа.

— Это не так... Мы ведь столько еще не попробовали! — принялась бормотать я, лишь бы не видеть, как снег тает на щеках Коула от соленых слез. — Морган первая Эхидун за тысячу лет, но Завтра... Завтра ведь очень древний ковен! Чем, думаешь, она там занимается? Вместе они разберутся. А если нет, то разберусь я! Дар сотворения, помнишь? Я уже давно пытаюсь придумать заклинание, чтобы...

— Я убил своего брата, — повторял Коул вновь и вновь, совсем меня не слушая. Его спина сгорбилась под бежевым





пальто, когда он шумно втягивал сквозь зубы морозный воздух, больно кусающий кожу даже под одеждой. — Гидеон был прав. Никто обо мне не заботился так, как это делал он. Когда родителей не стало, опеку над нами взяла бабушка... Но это Гидеон заменял мне и отца, и мать. Это он успокаивал меня в грозу, чтобы я не плакал, и защищал от старшеклассников, когда те отбирали у меня таблетки. Он был моей семьей, а я эту семью бросил.

Он позволил мне вытащить его обледеневшие руки из карманов, чтобы я могла поднести их к своим губам и поцеловать костяшки, согревая и дыханием, и словами.

— Послушай меня, Коул: мы вылечим Гидеона. Я даю тебе эту клятву как Верховная ковена Шамплейн, а такие клятвы никогда не нарушаются.

Коул выдал вялый кивок вместе с такой же вялой улыбкой, прокладывая на его щеке знакомую обворожительную ямочку, по которой я уже успела соскучиться. Мельком глянув на часы под рукавом пальто, Коул скривился:

— Поехали. Я уже опаздываю на доклад к Миллеру.

Мы оба запрыгнули в машину, попрощавшись с лечебницей «Этан Аллен» до следующих выходных, на которых Коул наверняка вновь попробует слить сюда без меня. Всю дорогу до участка он лихорадочно сжимал мою ладонь в своей, управляя машиной одной рукой. Должно быть, его снедал стыд за минутную слабость у крыльца. Меня же съедала лишь тревога: перед глазами все еще стоял список из десятка детских имен, а с кончиков пальцев не стиралась черная пастель.



— Что я могу сделать, если все глухо?! Три несчастные улики за полгода...

— Раньше тебя это не останавливало. Ты вгрызался в расследования, как пес в лакомую кость. Что с тобой





Коул вышел из кабинета Миллера на удивление ровным шагом и с таким же отстраненным выражением на лице, с каким туда и зашел. Однако в пальцах его сверкало бронзовое зеркальце с геометрическим узором на поцарапанной крышке: Коул никогда бы не достал его на людях, не бейся его рассудок в агонии.

— Почему ты просто не расскажешь, что случилось с Гидеоном? — робко спросила я, пересаживаясь на край рабочего стола, чтобы освободить ему стул. Коул буквально упал на него, оттягивая шарф от вспотевшей шеи: впопыхах он даже забыл раздеться. — Ну не о том, что он умер, а потом воскрес, конечно... Можно было бы ограничиться словами «у меня семейные проблемы, шеф».

— Это не оправдание, — отрезал Коул, уже вовсю щелкая компьютерной мышкой. — Миллер прав. Я слишком долго торчу на месте. Не думал, что скажу это, но работать вдвоем с напарником было куда проще.

— Пока мы не съездили в Новый Орлеан и не нашли его... — начала я задумчиво. — Может, твоим напарником побудет ведьма?

— Опять? — вздохнул Коул. Он выглядел таким изможденным, что мне хотелось поскорее вернуться домой и сварить ему ландышевую настойку, которую уже давно надо было начать подливать ему в кружку с кофе по утрам.

— А почему нет? Я, конечно, не крутой коп, но, как помнишь, ритуального убийцу мы поймали...

— В этот раз все гораздо проще. Убийца — обычный человек, а рядовые детективные расследования — моя работа, Одри. Верховенство — твоя. Ты и так почти не спишь с этими сверхъестественными существами, а попутно ищешь способ вернуть Гидеону... себя. — Коул скривил губы. — Хотя с чем-то я должен справиться самостоятельно. К тому же как ты сможешь мне помочь? Ты сама говорила, что не в силах найти того, кого никогда не видела лично или если у тебя нет вещи этого человека. Так что дай мне...



Коул вдруг замолчал, и я буквально услышала тот лязг, с которым закрутились шестеренки у него в голове. Тигринные глаза расширились. Я наклонилась к нему со стола, полная любопытства, но он уже вскочил и принялся потрошить соседние шкафчики.

— Должно быть где-то тут! Где же?!

— Что ты ищешь? — не выдержала я, когда Коул перевернул все ящики и принялся наводить такой же беспредел на пустующем столе Сэма.

— Записку с места преступления! — Коул обернулся, и в груди у меня защемило от того блеска, что вернул его глазам ореховую теплоту. Наконец-то! — С почерком убийцы. Это ведь можно считать за личную вещь, да?

— Ну гипотетически...

— Как я мог забыть об этом?! Сэм дал мне ее еще в Мохава! Неужели я... Неужели я потерял?

Сморщившись, он продолжил разорять ящики, гремя скрепками и дыроколами. Заметив, что на нас оборачиваются коллеги Коула, я смущенно откашлялась, привлекая его внимание.

— Может, записка в карманах той одежды, которую ты носил в Завтра? Где-нибудь дома...

Угнездившись в груди хлама на полу, он оперся о ножки стула и тяжело выдохнул, глядя на меня снизу вверх:

— Да, может быть.

— Тогда предоставь это мне, напарник! — бодро воскликнула я, вспрыгивая на ноги. — Надо же... Вот мы и снова работаем вместе, как в старые добрые времена. У-у! Я теперь тоже детектив!

Коул раздраженно повел плечом и кивнул с таким обреченным видом, будто я опять купила платье от кутюр стоимостью в его зарплату. Перспектива вновь делиться со мною всеми кровавыми подробностями и таскать по местам преступлений явно его не впечатляла. Погруженный в мысли, он даже не стал возражать, когда я зачаровала его коллегу





Ричи и заставила подбросить меня до Шелберна, чтобы поскорее заняться делом.

— Разум освободи... Из плена волю отпусти... А в болоте растут камыши... Ой, нет, не то, — бормотала я себе под нос, ступая по лесной тропинке с раскрытым гримуаром. В сизой обложке с золотыми уголками, он уже потолстел на несколько страниц, исписанный моими сонатами. Однако я не оставляла попыток освоить дар сотворения и в других его ипостасях, ведь всюду таскать с собой скрипку было как минимум неудобно. Пытаясь на этот раз выстрадать стихи, а не музыку, я пнула камешек и представила перед собой Гидеона.

— И как только Тюльпана призывает это свое «колдовское вдохновение»? — пожаловалась я вслух деревьям, когда снова ничего не получилось.

С того дня, когда Ферн навсегда исчезла из моей жизни, я так и не придумала ничего толкового, не считая парочки простеньких заклинаний: одно лечило насморк, а второе пекло пирожки за три секунды (Исаак плакал от гордости). На все мои жалобы Тюльпана отвечала лишь: «Когда будет нужно, оно придет. Через самонасилие шедевр не родить». Но ждать я больше не могла, поэтому...

Перелистнув страницу, я обошла блуждающие огоньки, вымостившие мне дорогу к Ковену через зачарованный лес, возле которого меня высадила Ричи, и продолжила сочинять.

— Руку протяни в ответ — в сердце у тебя сияет свет...

Мое напевание бесцеремонно оборвал треск хвороста. В шесть часов становилось уже темно: деревья, подсвеченные болотными огнями, напоминали шерсть дикого волка, такие же непричесанные и дремучие. Но мне было вовсе не страшно: даже ночью я ориентировалась в окрестностях Шамплейн лучше, чем опытные путешественники днем, а уж чары Нимуэ не посмели бы так просто впустить сюда никого, кто желал бы мне зла. И все-таки по спине стек липкий мороз, пробуждая старые раны. Стараясь не думать об этих уродливых шрамах, я спрятала гримуар за пазуху,



вслушиваясь в звук приближающихся шагов. Бояться чего-то в собственном доме было слишком унижительно для Верховной, но я все равно сорвала гроздь подмороженной брусники с куста и раздавила ягоды в пальцах, судорожно вспоминая защитные чары.

— Свиной чертополох!

Вырвалось у меня, однако, отнюдь не заклинание. Я шарахнулась в сторону, когда что-то выпрыгнуло из сумрака. Уставившись в упор на два горящих рубиновых глаза, я с трудом проглотила вставший в горле крик. Длинный кошачий хвост хлестал по можжевельным кустам и сугробам, поднимая в воздух снег, и лишь когда его горсть приземлилась мне на голову, я очнулась:

— Монтаг! Я чуть не поседела! Что ты...

Я вытерла липкую руку о штанину и замолчала, осознав, что передо мной вовсе не три прытких облезлых кота — нет, передо мной стояла одна, но гигантская пантера. Доходящая мне в холке до пояса, с черным лоснящимся мехом, это была самая настоящая дикая кошка, только демоническая. На кончиках покоцанных ушей торчали красные кисточки, а на кончике хвоста — знакомое скорпионье жало, сочащееся зловонным ядом. Очевидно, кошачье обличье было любимым у Монтага — по-прежнему пушистый, но смертоносный. Он повел по воздуху носом, принюхиваясь, а затем жалобно мурлыкнул:

— Мы бежали на запах пончиков! Ты пахнешь ими за километр. Где они?! Говори скорее!

Он почти спрятал морду у меня под дубленкой, выискивая лакомства, пока я не щелкнула его по носу:

— Эй! У меня ничего нет. Я только приехала из участка. Должно быть, пропахла пончиками там, их ведь каждый уважающий себя полицейский обожает.

Уши Монтага понуро опустились. Он фыркнул, запачкав слюнями мой шарф, и попятился обратно к лесу, сливаясь с обступающей нас темнотой.





— Мы охотились, но решили, что пончики лучше оле-
нины. Могла бы что-нибудь нам да прихватить! Знаешь же,
как мы их любим.

— Извини, в следующий раз обязательно что-нибудь
возьму. Слушай, а ты... как-то подрост, что ли, — затор-
моженно пробормотала я, заставляя шеду обернуться. —
И уже не троисься. Куда делись милые шкодливые ко-
тики?

— Ах, вот что тебя так напугало, — протянул Монтаг
самодовольно. Его голос все еще тянулся, как жвачка, ино-
гда срываясь на примитивное «мяу», но звучал гортанно
и низко. Я мысленно поблагодарила бога за то, что он мой
защитник, а не враг, и понадеялась, что у шеду не в ходу съе-
дать собственных подопечных. — Да, мы окрепли. Не зря
защищали тебя от Ферн. Мы исправляемся!

Я недоуменно сощурилась, пытаюсь понять, о чем он го-
ворит. С той самой битвы в Самайн мы с Монтагом почти не
виделись: раненный в бою, он долго зализывал раны где-то
в лесу, а затем появлялся лишь по ночам на кухне, чтобы
выгрести все съедобное из нашего холодильника, пока мы
спим. Золотой браслет, позвякивающий на моем запястье,
вряд ли теперь мог уместить в себя такой необъятный дух,
не пожелай он того сам. Монтаг был волен ступать куда
захочет, но по-прежнему оставался со мной. Интересно,
можно ли называть нас друзьями?

— Мы теперь хороший шеду, — промурлыкал Монтаг,
усевшись в сугроб и неторопливо вылизывая лапы: каждая
была размером с мою голову. — Хороший защитник! Мы
доказали, что полезны, и мы стали больше. Чем благополу-
чнее живет наш подопечный, тем мы сильнее.

— Ах, вот оно как работает, — задумчиво промычала я,
двинувшись дальше по тропе: ноги уже начали подмерзать
от пустой болтовни на морозе. — Каждый твой подвиг де-
лает тебя больше, хм. Поэтому ты был таким мелким, когда
мы встретились? — Судя по тому, как обиженно Монтаг за-



шипел, перебирая лапами хворост у меня за спиной, я была права. — Теперь ты то же самое, что мейн-кун в мире демонов, да? Можешь пока сторожить Шамплейн вместе с Нимуэ. Главное, всю дичь здесь не перебей!

Монтаг согласно мурлыкнул, а я ускорила шаг, почуввав, как поднимается вьюга. Вскоре блуждающие огоньки стали редеть, что могло означать лишь одно: дом уже близко. И действительно — спустя еще минут пять показался деревянный каркас, а следом вырисовывались очертания острой черепичной крыши. В лучах солнца особняк был красивее: облицованный снаружи синим камнем, днем он казался васильковым, а ночью — благородно серым. По стенам, невзирая на мороз, уже всюду расплзлись виноградные лозы и плющ. Сад тоже цвел — единственное, что осталось нетронутым разрухой. Там всегда было влажно и душно, как в теплице, хоть сад и не огораживался целиком. Тюльпана любезно переняла заботу о нем и поддерживала нужный климат, питая землю магией, как удобрениями. Внешний двор был ничуть не хуже: вместо кофейных столиков, за которыми так любил курить Диего летом, на крыльце теперь красовалась скамья-качели. К верхним этажам прибавилось несколько крытых балкончиков, а крышу протыкало множество дымоходов.

Я ускорила шаг и миновала несколько клумб благоухающих гортензий, прекрасно чувствующих себя даже под слоем инея.

— Не сейчас, — тут же бросила я Тюльпане, возникшей на пороге, как будто над входом висел колокольчик. Неужто она меня караулит? — Коул поручил мне важное задание.

— Задание? — Ее бровь, такая же белоснежная, как и волосы, многозначительно поползла вверх. Усевшись возле камина с ежедневником в руках, она достала перьевую ручку и пробурчала: — Конечно-конечно... Делай что хочешь, пока территория Шамплейн трещит по швам. Кому это вообще надо, кроме меня?





Сбросив на вешалку дубленку, я взлетела вверх по лестнице, сопровождаемая ее бесконечным ворчанием. После отъезда Морган с Исааком и исчезновения Сэма в доме стало невероятно тихо, особенно когда начинал отсутствовать и Диего. Такой дом был слишком большим для троих.

Откуда-то снизу заиграл фолк: Тюльпана всегда оставляла проигрыватель включенным, когда искала новых сверхъестественных гостей аквамариновым маятником над разложенной картой Вермонта. Или когда искала Ферн, убежденная, что ее смерть от нелепой кровопотери звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Как бы то ни было, предосторожность никогда не бывает лишней, поэтому каждый вечер Тюльпана проверяла, не объявилась ли Ферн где-нибудь поблизости. И каждый вечер я выдыхала с облегчением: нет, ее не было, потому что уже и не могло быть. В другое верить я отказывалась.

С пятой попытки попал в нашу с Коулом спальню, а не в очередную чулан, я вывалила на пол всю одежду из шкафов. Выворачивала наизнанку каждый джемпер, каждые штаны и каждый карман, пока не погрязла в белье и футболках. Спустя час возни я наконец-то услышала, как шелестит под пальцами бумага, и выгребла из бриджей Коула скомканные чеки с автозаправки. Среди них ярко выделялся выцветший до желтизны лист, сложенный пополам.

Вот оно!

*Кости-кости. Леденцы.
Собираю их в ларцы,
Откроешь — выбегут детишки.
Сыграем снова в кошки-мышки?*

*Кости — сладость на десерт,
Они на карусель мою билет.
Ваши косточки возьму,
И для крепких снов в подушки их набью.*



*Кости — будущий сервиз.
Ваших матерей ждет замечательный сюрприз!
Ведь нет подарка от ребенка краше,
Чем новая посуда из его коленных чашек!*

Мне пришлось несколько раз прерваться, чтобы найти в себе силы дочитать это до конца. В груди растеклась свинцовая тяжесть. Коул был прав — каллиграфический почерк, удивительно ровный и витиеватый, точно принадлежал человеку. Однако злу, что таилось в нем, позавидовали бы даже принцы Гоетии. От этих строк пробирал мороз, а от фотографий в папке Коула — неподдельный животный ужас. Все увиденное и собранное мною по кусочкам, тайком, случайно или без спроса, вдруг встало на свои места.

— Кости... Он коллекционирует детские кости... Гребаный псих!

Я скомкала мерзкую записку в пальцах.

— *Fehu!*

Свечи, застилающие угловой алтарь расплавленным воском, вспыхнули. По воздуху растекался древесный запах мирры. Подпалив пучок зверобоя, я окурила им спальню, пройдясь вдоль каждой стены и плинтусов, а затем погрузилась в ароматное облако сама, прочищая и мысли, и ауру. Круг, вырезанный навахом Коула прямо на деревянном паркете, завибрировал, призывая меня сесть в его центр. Стоило мне сделать это и подогнуть под себя ноги, как я вдруг поняла, о чем говорила Тюльпана.

«Когда будет нужно, оно придет».

А что, если?..

Рука зависла над полом, потянувшись к географической карте, и вместо этого ухватилась за латунный подсвечник с потрескивающим огарком. Я не знала, что именно собиралась делать, но течение магии и не требовало понимания — оно требовало лишь довериться ему. Куда бы это течение ни привело, ты всегда окажешься там, где тебе нужно.





Я наклонила подсвечник так, чтобы воск, плавясь, стек на мятую записку. Чернильные буквы размылись под стынувшими жемчужными каплями, и необходимость в маятнике и картах отпала сама собой.

Я и есть маятник. Я — карта.

— *Поэма о костях и материнском горе. Воск, затопи ее, как топит море! Злые глаза в изгибе волны — покажи мне то, что видят они.*

Единственная улика — меньшая из жертв, что я была готова принести, лишь бы остановить убийцу. Записка, погрязшая в масляном воске, затлела без прикосновения к свече. Мерцающее, красное, как ягоды рябины, пламя не обожгло, когда я сжала его в ладони и поднесла к лицу, вдыхая.

— *Найди детей, что не вернуться домой. Найди матерей, чей стоит гулкий вой. Они — моя нить, убитые горем. Мне нужен тот, кто возомнил себя богом!*

Пепел замерцал в воздухе, а затем оказался у меня внутри — прямо в горле, в желудке и сердце, заставляя надуть щеки, сдерживая кашель, и давиться видением. Я почувствовала запах гари, осевший на языке, а затем почувствовала запах... *Крови?*

— Кости-кости, леденцы! Сыграем в прятки, сорванцы?

Пение, урчащее, довольное, вело меня к пылающему и алому источнику того запаха, что ударил в нос и пробудил первобытные инстинкты. Точнее, лишь один — самосохранение: «Беги, беги, беги!»

Но, как ни старайся, я не смогла бы убежать от собственного заклятия. Не смог убежать и тот мальчик, что явился мне в нем, распластанный на мокрой земле, с оторванными руками.

Он уже не кричал. Лежал в окружении заснеженных деревьев, парализованный болевым шоком, и смотрел широко распахнутыми глазами на то, как работает над его телом бесчеловечное существо с дюжиной рук и пятью головами.

Ни у одной из них не было лица — лишь рты, растянутые до ушей в голодном оскале. Острые зубы в несколько рядов, тонкие, как зубцы у вилки. Тело длинное, плоское, будто бы жучье, а кожа — пергамент: в пролежнях, губчатая, того и гляди порвется от выпирающих костей. Ниже пояса твари развевалась темная ряса — то клубилась живая тьма, что служила *диббуку* и одеждой, и ногами. Он урчал, нависая над телом мальчика, и пальцы его напоминали лезвия, почти как у одержимого Исаака, только идеально прямые и черные. Он забирался ими внутрь детского тела, чтобы, надавив изнутри на хрупкие кости, переломить их пополам и выудить одну за другой из надрезов. Рядом уже была собранная горсть таких — коленные чашечки, несколько ребер и те самые оторванные руки. Мясо, мышцы и кожа валялись вокруг, снятые, как обертка. А мальчик все не умирал, удерживаемый на грани вспышками боли и влажным снегом, припорошившим лицо с верхушек диких кленов. Лишь кряхтел, беззвучно хлопая синими губами, и безвольно смотрел на то, как его разделяют заживо.

Кровь проложила в снегу ручеек, пропитывая искромсанную школьную форму. Я разглядела букву «А» на ее воротнике — эмблему, — когда пять безликих голов вдрут обернулись.

— Мы чуем тебя, — сказала тварь то, что не должна была говорить. Я попыталась отступить, но приросла к месту: видение невозможно было контролировать, как и свое тело, — ни здесь, ни там, в реальности. — Полынь, физалис, соль... Так пахнут ведьмы. Мерзкие язычницы, которые годятся лишь на то, чтобы их выпотрошить! Мы не знаем, кто ты, но надеемся, что тебе нравится зрелище. Наслаждайся, раз пришла.

Голос звучал, как жужжание осинового роя, и, перебирая руками, тварь улыбнулась всеми пятью ртами, довершая начатое. Несколько ловких движений пальцами — и я увидела





маленькое сердце размером в половину моего кулака, нанизанное на острый обсидиановый коготь.

— Одри...

Тварь облизнулась и протянула его мне, предлагая угощение.

— Одри!

Меня звали снова, снова и снова, но обернуться я смогла лишь с третьей попытки: пластилиновый и вязкий, воздух противился лишним движениям, будто я плавала в кипящем бульоне. Оказывается, за моей спиной уже вовсю полз зыбкий туман, стремительно покрывая сумеречный лес. Оттуда, из белого дымного полотна, вдруг высунулась чужая рука — оливковая кожа и десяток звонких браслетов на запястье. Запах меди притушился под сладостью аромата имбирного кофе и кориандра, а когда наши пальцы соприкоснулись, кошмарный сон наконец-то закончился.

И начался новый.

Лодыжки, оплетенные цепями. Спиральки черных непослушных волос, слипшихся в запекшейся крови и грязи. Желтые глаза с малахитовыми прожилками и некогда прекрасные пухлые губы в форме сердечка, превращенные в месиво.

Я узнала ее еще до того, как услышала и увидела. Диего был прав: разорванный ковенант вовсе не означает разорванную связь. Синяя ленточка, связавшая наши руки в машине Коула по пути из Нового Орлеана в Берлингтон, положила начало не только клятве, но и семье. А, как известно, нет ничего крепче семейных уз.

— Одри, помоги!

Толчок неведомой силы вытолкнул меня в реальность. Я жадно схватила ртом воздух, будто все это время обходилась без него, и распахнула глаза, взирая на Коула. Тот сидел надо мной, удерживая двумя руками на своих коленях, укачивая, как ребенка. Белее простыни, он походил на привидение, но все, о чем я могла думать, — это ковანая



решетка и желтые глаза, смотрящие сквозь прутья на мир, глухой к мольбам и отвернувшийся от нее.

«Ты слышишь... Наконец-то ты слышишь!».

— Одри? — встревоженно позвал меня Коул, убирая большим пальцем локон волос с моего лица, залитого лихорадочным потом. — Господи, ты напугала меня! Твои глаза... Зрачков и радужки не было — сплошь белок. Я подумал... — Он поежился, отгоняя прочь страшные мысли. — Что произошло? Я нашел тебя на полу...

— Зои, — прошептала я, не замечая, как впиваюсь ногтями в собственные ладони: кровь побежала по вырезанному на паркете кругу, как она бежала по снегу где-то в там, в далеком туманном лесу; как она бежала по чугунной решетке, запертой на три замка и душащей всякую магию, пока та не пробилась тараном спустя столько месяцев. — Коул... Зои умирает!

II ЖЕЛЕЗНАЯ ДЕВА

Луизиана всегда была знойной и душной, с клочками тумана между деревьями и топкими болотами. В декабре она тоже встретила нас крайне приветливо, особенно после берлингтонской стужи: мягкая солнечная погода с двадцатью градусами по Цельсию. Руки больше не мерзли, а изо рта не валил пар. меховая дубленка уступила место облезлому пальто Коула, которому уже давно было пора на помойку. Оно дарило мне чувство защищенности, словно это был бронжилет, а не обычная шерсть с катышками. Тюльпана, пользуясь шансом, уже нацепила солнечные очки, щеголяя в ажурном платье. Она совсем не стеснялась внимания прохожих, бросающих красноречивые взгляды на ее стройные ноги в рваных чулках.

Сколько бы раз я ни бывала в этом городе, здесь всегда играл джаз — и днем, и ночью он не смолкал, собирая горожан, путешественников и заядлых пьянчуг у салунов и кабаков. Все улицы мерцали, увешанные гирляндами, а у каждого молла росла наряженная ель: расставленные по всему городу, эти священные деревья с укором напоминали мне, что я снова покинула Шамплейн накануне важного праздника.

Но в этот раз отнюдь не вина точила меня изнутри, пока мы шли по закоулкам Бурбон-стрит. То был страх.

«Кости-кости. Леденцы!»



«Мы чуем тебя».

«Наконец-то ты слышишь!»

— Одри?

Голос Тюльпаны вернул меня в реальность. Я вдруг обнаружила, что остановилась прямо посреди оживленной улицы, сжимая зубы и кулаки. Пусть физически я и была в Новом Орлеане, но мысленно все еще не могла выбраться из тех жутких видений, что теперь преследовали меня.

— Одри, ты в порядке? — спросила Тюльпана в который раз.

— Паническая атака, — выдавила я хрипло, стараясь не замечать, с каким скептицизмом Тюльпана повела бровью. — Нечем дышать. Сейчас... Просто дай мне минутку. — Я оттянула пальцами ворот водолазки, будто это могло хоть как-то помочь, и забралась другой рукой в карман пальто. Горячие подушечки пальцев очертили холодный металл. Я вытащила бронзовое зеркальце Коула и принялась щелкать замочком, открывая и закрывая его, как он учил.

— У-у, — завывала Тюльпана устрашающе, глядя на меня сверху вниз: сапоги на шпильке делали ее ростом почти что с Коула. — А крыша-то все течет... Пойдем купим тебе во французском квартале ведро и молоток! Или бутылку водки.

Ей было смешно, а мне нет. Утро выдалось поистине ужасным, а вся прошлая ночь прошла кувырком. Я почти не помнила себя от истерики: Коулу пришлось несколько часов вытягивать из меня ответы и распутывать мой лихорадочный бред, чтобы понять, что к чему. Его объятия не ослабевали до самого утра. Продолжая укачивать меня на коленях, он делал все, чтобы вернуть мне чувство безопасности после увиденного. Но оно не возвращалось... Заснула я лишь с рассветом, а уже через час Коул скрепя сердце отправился на работу, надеясь выяснить что-то о новой жертве убийцы, чьи оторванные руки и белое лицо до сих пор не выходили у меня из головы.





Как только Коул шагнул за порог, Тюльпана, все это время подслушивающая за дверью, оживилась. У неё наготове уже стояли алтарные свечи и пакетик с костяной мукой, чтобы, начертив на полу пентаграмму, перенести нас туда, где все когда-то началось. Кажется, ее больше манила возможность наконец-то выбраться из Вермонта на экскурсию, нежели помочь нам с Коулом в расследовании. Телефон в плечевой сумке разрывался от его звонков: должно быть, он отпросился с работы пораньше, чтобы побыть со мной, и уже обнаружил в кровати вместо меня объяснительную записку. Может, это и было эгоистично, но если бы я прожила еще хоть день в неведении...

«... то сошла бы с ума».

Да, спасибо, неизвестный голос. Как всегда, в точку!

— Что это? — многозначительно нахмурилась Тюльпана, уставившись на зеркальце в моих руках. Сквозь затемненные стекла очков ее фиалковые глаза, доставшиеся по наследству от матери вместе с дурным нравом и темной магией, казались красными.

— Коул дал мне его перед работой, чтобы я... успокаивалась. Знаешь, в этом и впрямь что-то есть. Кажется, помогает.

— Может быть, но стопка водки все-таки помогла бы тебе лучше, — усмехнулась она.

Я отвернулась, снова цепляя ногтем крышку зеркальца. Щелк-щелк. Щелк-щелк. Принесенное в жертву ради метки атташе, но восстановленное моей магией, зеркальце стало памятной вещицей не только для Коула, но и для меня самой. Когда-то давно он не расставался с ним... А затем доверил мне вместе со своей жизнью и судьбой. Иногда я видела, что Коул крутит зеркальце в пальцах, но после, успокаиваясь, он всегда возвращал его на место: вкладывал в гримуар, к которому зеркальце приклеивалось заклинанием, чтобы не потеряться. Коул больше не нуждался в нем так, как раньше, но, похоже, он решил, что теперь в нем нуждаюсь я. И не ошибся.



— Телепортироваться Коул не умеет, а поездка в Новый Орлеан займет у него минимум сутки, так что времени у нас навалом. Но чем быстрее мы вернёмся домой, тем меньше нотаций он тебе прочтёт, — напомнила Тюльпана, и я поехала, уже предвкушая грядущий скандал. — Если хочешь знать мое мнение, то ты правильно поступила, что пошла со мной, а не с ним. У Коула своих проблем по горло. А мы взрослые девочки, нам не впервой разбираться с наглými колдунами, правда же?

Я кивнула, делая вид, что слушаю Тюльпану, но в ушах у меня гудело. Тогда я постаралась сфокусировать взгляд на узорах зеркала — перламутровых, геометрических, с маленькой трещинкой на обратной стороне. Ее не удалось залатать даже магией, как невозможно залатать и ту трещину, что дал мой рассудок тогда в Башне.

И вот она стала глубже...

«Ты не могла помочь тому мальчику. Ты была лишь тенью, вставшей на грань, но не перешедшей ее. А мальчик умер ещё в тот миг, когда тварь захотела его себе».

Тюльпана отошла на несколько шагов, вертя в руках компас с тонкой золотой цепочкой и пытаюсь разобраться, куда нам идти. Надо признать, выходило у нее это ловко: она ориентировалась в Новом Орлеане так, будто прожила здесь много лет, а я лишь брела следом за ней, не задавая вопросов. Маленькие разноцветные домики, построенные еще до Гражданской войны, толкались вдоль пешеходных аллей. Все здесь застилало магические шатры с подвесками из омелы, обещающие защитные талисманы и предсказания будущего. Некоторые места мне даже удалось узнать: вон у того моста мы парковались с Коулом, чтобы отыскать лавку Саламандры, ныне закрытую ставнями и пустующую, — мимо нее я проскочила сегодня с закрытыми глазами, чтобы лишний раз не травить душу; а вон за тем переходом должен был располагаться отель Cornstalk, в котором для ведьм действует скидка. Французский квартал во всем





оставался прежним, кроме лиц, наполнявших его. Менялись лишь они и я — как внешне, так и внутренне.

Поправив распущенные волосы, отросшие почти до лопаток, а оттого жутко тяжелые и раздражающие, я ускорила шаг.

— Коул ошибался, — прошептала я задумчиво, считая взглядом туристов. Их поток уплотнился на выходе к Бурбон-стрит, забитой пабами, и зеркальце снова защелкало в моих руках. — То, что я увидела через ту записку... Оно не могло быть человеком, Тюльпана. Оно... голодное. Похоже на диббука, но хуже. Чтобы выстоять против него, точно нужна Зои. Только не понимаю... почему я смогла достучаться до нее лишь вчера?

— Ты вышла в астрал. Вероятно, Зои тоже была там. Без физической оболочки мы гораздо восприимчивее... Повезло, что она успела тебя поймать.

— Думаешь, все это время она искала меня? Ждала? — В груди у меня заныло. Как же Зои, должно быть, страдает! — Мы спасем ее, а потом займёмся этой тварью! Я не позволю кому-то безнаказанно вытворять такое на моей земле! И бояться себе тоже не позволю.

— Отрадно слышать, — сухо бросила Тюльпана, не оборачиваясь.

Дрожь начала стихать. Спрятав зеркальце обратно в карман, я быстро двинулась вверх по улице, чтобы нагнать Тюльпана, уже ушедшую на несколько метров вперед.

Притормозив у мостовой Миссисипи, откуда дул прохладный ветер, она что-то заворчала себе под нос, принявшись отбиваться от назойливого бездомного с пластиковым стаканчиком для мелочи. Пряча перемазанное лицо под капюшоном, он беспардонно тянулся к ней и стонал, выпрашивая деньги на еду. Тюльпана брезгливо поморщилась и топнула шпилькой. Ветер тут же закрутил бездомного волчком и быстро унес с глаз Тюльпаны, донеся до меня лишь кислый шлейф немытого тела и браги.



— Мерзость. — Тюльпана передернулась и, сняв солнечные очки, ткнула пальцем в замершую стрелку компаса, когда я подошла. — Это должно быть здесь.

— Да, так и есть. Мы пришли.

Я запрокинула голову и молча уставилась на деревянную вывеску. Золотыми буквами на ней было выковано: «Барон Суббота». В последний раз мне доводилось бывать здесь, когда мы с Коулом расследовали дело ритуального убийцы... Все такое же двухэтажное здание из красного кирпича, мраморные ступеньки и бордовая черепица. Однажды я сожгла это место дотла, а теперь не отказалась бы повторить. Достаточно было вспомнить ту ночь, когда Рафаэль заявился в Шамплейн и посмел применить против меня вуду, — искры тут же начинали колоть пальцы.

Я иду за тобой, Зои, где бы ты ни была. Только держись!

— Ненасытные Монтаги при тебе? — обронила Тюльпана на лестнице, и я бросила взгляд на золотой браслет. Он будто бы тоже потяжелел, как и тот демонический кот, что с неумным ворчанием забирался в него, не желая покидать ради очередной «деловой поездки» леса Вермонта, полные аппетитной дичи.

— Да. Монтэг наготове. Он обещал, что теперь от него будет больше пользы. Вот и посмотрим!

Браслет на запястье возмущенно завибрировал. Надеюсь не сжечь магазинчик раньше, чем Рафаэль ответит на все наши вопросы, я толкнула тяжелую дверь и прошла вперед Тюльпаны. Колокольчик монотонно поприветствовал новых посетителей.

— Добро пожаловать в «Барон Суббота»! Чем я могу вам помочь, милые дамы?

К моему разочарованию, за кассой нас встретил вовсе не Рафаэль. То была тучная дама в годах, одетая в этническое гаитянское платье и с сединой в волосах. Ее руки, такие тонкие и сухие, что взглядом можно было пересчитать каждый сустав, тряслись, пересчитывая купюры. Черепки





мышек-полевок вместо колье мелодично позвякивали. Несомненно, перед нами стояла ведьма из ковена Вуду — в конце концов, никому другому Рафаэль бы свой магазин и не доверил. Вот только выглядела она такой старой, что невольно возникал страх довести ее до инфаркта — какие уж тут допросы?

Мы с Тюльпаной хмуро переглянулись, но, в отличие от меня, она ничуть не ступевалась, шагнув к старухе вплотную. Все, что разделяло их, — низкая дощечка с выставленными напоказ мешочками гри-гри, распускающими по магазинчику аромат свежих ведьмовских трав и лаванды.

Вывеска «Открыто» на двери, подхваченная ветром, перевернулась обратной стороной.

— Почему нынче петушиные головы? Вон те, чёрные.

— Это вы для папы Легбы или мамы Бриджит интересуетесь? — спросила старуха, оглядываясь на соседний прилавок, забитый выпотрошенными и высушенными тушками. — Бриджит больше любит белые... А так все по пятнадцать долларов!

— Хм, недёшево. А старушечьи зубы почему?

— А?

Тюльпана прыжком перемахнула через стойку. Старуха среагировала с небывалой прытью: вскинула трость и почти разбила Тюльпане нос. Но, не намеренная сдаваться, Тюльпана все равно запрыгнула на прилавок и сдернула с пожилой дамы обличье, словно простынь.

— *Newid!* — прошипела Тюльпана, схватив ее за шею, и я узнала валлийское заклятие-перевертыш, оборачивающее вспять любой метаморфоз.

Старуха неприлично выругалась на креольском, а затем ее кожа под ладонью Тюльпаны замерцала, меняясь. Темная кожа сделалась еще темнее, а нос увеличился, как и все тело. Вместо седых волос появился шитый цилиндр, увешанный зубами койотов. И больше не было никакого платья — только расстегнутая до живота рубаха, костяное



ожерелье, аккуратная борода и блестящие хитрые глаза. Рафаэль улыбался, опираясь на свою трость, вернувшую себе первоначальный вид вместе со своим хозяином — теперь вместо набалдашника на ней красовался знакомый женский череп.

— Bravo, — громко объявил он, пока Тюльпана, фыркающая, слезла с прилавка, поправляя включенные волосы. — У тебя глаз-алмаз, девочка. Вылитая мать! Как она поживает, кстати?

— Рафаэль, — процедила я, пропустив его светскую болтовню мимо ушей. Глаза застелила красная пелена. — Я всегда знала, что ты трус, но прикидываться невинной старушкой — это слишком даже для тебя!

— Я просто не хотел, чтобы вы устроили драку и разгромили мой магазин, — вздохнул он, тоскливым взглядом окидывая гри-гри, сметенные с прилавка. — Так что не могу сказать, что рад видеть вас, но... Я удивлен: вы обе живы! Очевидно, слухи о Ферн правдивы, и она действительно канула в небытие. Позволь полюбопытствовать, раз представилась возможность: что именно вы с ней сделали?

— А ты разве не знаешь? — сощурилась Тюльпана, прогулочным шагом обходя магазинчик. Подобрал со стеллажа хрустальный шар, она задумчиво повертела его в руках: тот запотел не то от ее дыхания, не то от магии, сделавшись матовым. — Ты ведь был у нее вместо ручного чихуа-хуа. И вдобавок вы были связаны клятвами... Это же Ферн в обмен на верность научила тебя *Sibstitisyon*, чтобы ты стал сильнее и смог претендовать на Верховенство после Мари Лаво? Значит, ты должен был все почувствовать.

— Ах, так этого вы не знаете. — Рафаэль сложил руки на трости, обратив взор на меня, когда я демонстративно поставила локти на его прилавок. — Джулиан Дефо помог мне, Эмиральде и Хоакину освободиться от клятв, данных Ферн. Так что к тому моменту мы с Ферн уже давно перестали быть... партнерами.





— Освободиться от клятв? — переспросила я. — Но это невозможно... Разве что...

Джулиан всегда был умен. Хоть от любой мысли о нем меня по-прежнему выворачивало наизнанку, я не могла этого не признать. Вынужденный томиться в ожидании, когда истечет срок нашего договора, он методично перебирал варианты, лишь бы нарушить его условия, увидеть меня и остаться безнаказанным... Ради этого он даже отрезал себе руку. Неудивительно, что Джулиан изучил сущность клятвы на крови вдоль и поперек, а затем нашел еще одну лазейку. В конце концов, мой брат всегда славился своей способностью ломать то, что ломать было неположено.

В ночь Самайна Ферн явилась в Шамплейн с опозданием. Джулиан обещал отомстить ей за то, что она сподвигла его уничтожить нашу семью, — и он отомстил, но не рассказал, как именно это сделал. Неужели...

— *Sibstityson*... Клятва на крови становится частью магии, — ахнула я. — А этот ритуал может забрать часть магии ведьмы. Ты, Хоакин и Эмиральда применили его против Ферн? Забрали у нее свои обещания назад, верно?

— Как жаль! — весело отозвался Рафаэль. — Глупенькой ты была куда прелестнее.

Я поморщилась, но воспринимать слова Рафаэля всерьез было чревато новыми комплексами.

— Предлагаю перейти к делу, — заявила я вместо этого. — Раз ты такая деловая колбаса, то наверняка знаешь, зачем мы здесь. Где Зои Саламандра?

— С чего ты взяла, что я знаю, где Зои? — спросил Рафаэль резонно, а я так же резонно ответила:

— Потому что в последний раз, когда мы виделись, она отправлялась в ковен Вуду.

— И?

— И, как ты сказал, я уже не такая глупенькая, чтобы поверить в твою непричастность. *Damwain!*



Мое терпение взорвалось — точно так же взорвалась и магия, обрушив на голову Рафаэля шкафы и полки. Следом затрещали стены, раскалываясь, как ореховая скорлупа. Сказать, что Рафаэль ждал от нашей встречи чего-то другого, было бы зверским лицемерием, поэтому все, что он сделал в ответ, — это улыбнулся.

Пожалуй, нападение на Верховного колдуна на его территории можно было назвать весьма опрометчивым поступком, но разве самого Рафаэля это когда-нибудь останавливало? От мысли, что он мог сотворить с Зои, терзая и мучая ее все те месяцы, что я прохлаждалась в Вермонте, к лицу прилиwała кровь. Не намеренная останавливаться на одном лишь магазине, я выбросила вперед руку, представляя, как сжимаю внутренности Рафаэля в кулаке.

— *Поймал лисицу. Поймал воробья. Поймал сердце, что стучит все быстрее, к смерти спеша...*

Вены больше не жгло, и руки не чернели. *Шепот* заставил Рафаэля захаркать кровью, опираясь на отполированную черепушку трости, и лишь тогда он вскинул одну руку вверх. Уже в следующий миг я почувствовала, как мои челюсти тянут в противоположные стороны, будто кто-то пытается выдрать зубы щипцами. Виной всему была маленькая соломенная куколка со спицей в голове, которую Рафаэль сжимал в пальцах. Вместо ниток в косичку куклы вплетались мои волосы — темно-русый локон, срезанный ножницами Гидеона в одну из тех роковых ночей, которые не выжечь из памяти даже кислотой.

— Думаешь, можешь вот так просто заявляться ко мне домой и что-то требовать?! — прорычал Рафаэль сквозь удушливый приступ смеха, и его ногти вжались в куклу на уровне солнечного сплетения. Точно там же я почувствовала нестерпимую боль вместе с рвотным позывом, будто чья-то рука забралась мне в пищевод, царапая его изнутри. — Достаточно одного волоска, чтобы кукла вуду работала. А Гидеон срезал так много, что мне без проблем





удалось сшить еще одну... Или хочешь снова обернуться норкой? Дважды один и тот же трюк не сработает! Попробуй же, ну, твоя выдранная серая шерстка у меня теперь тоже имеется в наличии. Лучший урок, что мне преподала Мари Лаво, — так это тот, что непослушных детей нужно воспитывать с детства!

Его белоснежные, почти фарфоровые зубы покраснели от крови, что текла изо рта и затапливала вырез черной рубашки, но останавливаться он и не думал. Как, впрочем, и я.

— Что ты сделал с ней?! — Крик вышел громким. Я кричала сквозь тошноту и жжение, медленно расплзающееся от корня языка вниз, до самого желудка. Заклятие Шепота все еще текло от меня к Рафаэлю, обволакивая нас обоих, а кукла из соломы хрустела в его руке, как и мои ребра. Пат. — Куда ты спрятал Зои?!

— Одри! Хватит!

Одно короткое слово на древнем валлийском — и моя магия схлопнулась, будто нить перерезали ножницами. Рафаэль медленно выпрямился и вытерся носовым платком. Кукла вуду, привязанная к шнуру, болталась на его пальце, готовая вновь обернуться против меня, но боль прекратилась. Разъяренная, я уставилась на Тюльпану, не понимая, почему она вмешалась, а не выступила на моей стороне. Но та явно не собиралась объясняться. Все как всегда.

— Вот об этом я и говорил, — пытаюсь отдышаться, прохрипел Рафаэль, приваливаясь спиной к разбитому шкафу. Стекло хрустело под подошвой его острых лаковых ботинок, стеллажи лежали друг на друге, а люстра из ротанга раскачивалась на единственном уцелевшем креплении. — Разгромили мой магазин! Ты хоть знаешь, как дорого мне обошелся прошлый ремонт из-за твоего пожара?! Я его только окупил!

— То ли еще будет, — прошипела я, поднимая руку, но Тюльпана возникла между нами, как довод рассудка, окончательно покинувшего меня.





— Не отобрать, — возразила я непроизвольно. — Лишь вернуть. Верховенство ее по праву. Мари Лаво — истинная Королева Вуду.

Рафаэль сузил глаза, глядя на меня в упор, и под его свинцовым взглядом сделалось неуютно. Он улыбался, даже когда дрался со мной, но теперь же на его лице не осталось ни намека на веселье. Пригладив пальцами бородку, густую и противную, он осторожно уточнил:

— Мари Лаво?..

— Да. Зои ведь и есть Мари, разве не так?

Тюльпана метнула на меня полный изумления взгляд.

«Ты моя сестра, — сказала Зои на прощание. — Стала ею в тот самый момент, как я принесла тебе клятву, и будешь ею до конца. Я не брошу тебя в беде». В день прощания Барон Суббота назвал ее мамбо — Верховная Жрица, а затем она откликнулась на имя, которое принадлежало ее матери. В тот день все в моей голове смешалось, и я решила не ворошить то, к чему была морально не готова. Кем бы ни являлась Зои, мне было все равно. Разве утаенное прошлое стоит того, чтобы отворачиваться от настоящих друзей?

— Надо же... ты знаешь, — хмыкнул Рафаэль без особого энтузиазма, так, будто новость о том, что Зои никогда не была просто Зои, давно стояла у него на повестке дня. — Она сама рассказала тебе об этом?

— И да и нет, — ответила я в манере Рафаэля, на что он фыркнул. — Зои не говорила прямо, но догадаться труда не составило.

— Похвально. Я сам понял это только после того, как забрал череп Мари Лаво назад, а тот оказался... пустым. Ведь, оказывается, лишь владелец силы способен забрать ее обратно. — Рафаэль разочарованно поджал губы, выводя большим пальцем круги на темечке черепа. — Но вряд ли твои предположения так же ужасны, как истина. Человеку, незнакомому с нашими традициями, не понять, что есть Зои на самом деле. В вашей магии такой практики даже не существует.



Возможно, когда-нибудь Зои сама объяснит тебе, кем она стала в ту ночь, когда наша матушка почила. Если, конечно, вам удастся отыскать ее... А зависит это лишь от одного — решишься ли ты, голубка, заключить со мной еще одну сделку.

Сделка. Ну конечно. Это слово стало мне уже родным!

— Чего ты хочешь? — сощурилась я. — Чтобы Шамплейн признал твое право на Верховенство? Хорошо, я признаю...

— Нет-нет, как-то мелковато. Я хочу нечто более... существенное. Что насчет твоего шеду? Да, хочу шеду! Отдай мне его, и я расскажу, где искать ваших потеряшек.

— Что?

Браслет на моей руке звякнул. Дремлющий в нем, но уже не запечатанный Монтаг явно оживился от услышанного. Подобное предложение интриговало, но было невысказано: нагло, беспринципно и вдобавок...

— На кой черт тебе сдался самый худший защитник в мире? — в лоб спросила я и хлопнула себя по руке: браслет ужалил ее, раскалившись добела. — Его ведь недаром прозвали Принцем Дураков. Откуда ты вообще о нем знаешь?

— От Ферн, конечно. Однажды твой шеду отравил ее... И мне пришлось вытягивать из нее яд. Одна его капля способна сильно подпортить жизнь... И сожрать изнутри печень. — Рафаэль подмигнул мне, явно веселясь от того, что может диктовать нам условия. Челюсть у меня ныла, настолько сильно я сжимала ее, до сих пор не понимая, почему терплю все это. Неужто только из-за свирепых и умоляющих взглядов Тюльпаны, которыми она сверлила меня, подобрав с опрокинутого шкафа колоду Ленорман и задумчиво ее перебирая? — Видишь ли, шеду очень многолики... Это ангелы. Это демоны. Это божества. Каждый из них уникален и выбирает себе хозяина, когда тот еще на горшок ходить не умеет. Пускай Принц Дураков — прославленный кутила и оболтус, но в стране слепых и одноглазый король. Ты даже не представляешь, как крупно тебе повезло!





— Что именно ты собираешься делать с ним? — сощурилась я недоверчиво.

— Не твоего ума дело, дорогая. Может быть, я просто давно мечтаю о преданном демоническом друге? — Рафаэль даже не скрывал того, как подтрунивает надо мной, но когда он принялся крутить на пальцах массивные перстни и кусать губы, мне сделалось вконец не по себе.

«Уже не хочешь расставаться с нами, Верховная? Ха! А когда-то называла дармоедами.»

Я узнала этот голос — на этот раз он принадлежал уже не моему безумию. Каждое слово отдавалось знакомой вибрацией на запястье. Хм, это что-то новенькое... Даже общаясь со мной телепатически, Монтаг мурлыкал и проглатывал согласные, никудашно подражая человеческой речи.

— То, что ты меня иногда бесишь и жрешь за троих, не значит, что я готова отдать тебя первому встречному. А вдруг Рафаэль удумал жертвоприношение? — прошептала я себе под нос, повернувшись к Рафаэлю спиной, будто прогуливалась меж стеллажами и раздумывала над его предложением. — Да и разве я могу тобой распоряжаться? Ты помощник, а не вещь.

«Но он-то об этом не знает! Грязный колдун считает нас безобидными кисками... Но мы — хищники! И благодаря тебе мы на пике своей силы. Отдай ему нас! Не бойся. Всегда хотелось узнать, какова на вкус магия Вуду. Слышал, похоже на пирог из чечевицы.»

Я недоверчиво покосилась на Рафаэля, храня царственное молчание, от которого Тюльпана нетерпеливо притоптывала каблуком, шумно вздыхая. Я разрывалась меж двух огней — гордостью Верховной и возможностью пойти по легкому пути, заключив очередную сделку. Но разве они когда-либо приводили к чему-то хорошему?.. Я давно выучила на собственном опыте, что верить колдунам себе дороже. Зато можно верить своему шеду... Можно же, правда?





вас ждут мечи, которые разговоят даже мертвых. Бездомный пес и пойманная ящерка. Они оба на своих местах.

Рафаэль резко замолчал. Я сделала широкий жест рукой, чтобы он продолжал, но молчание то было окончательным — это все, что он хотел нам сказать.

— Для тебя это что, игра какая-то?! — взревела я, и магия затрещала в воздухе, выходя из-под контроля вместе с моими эмоциями. — Ничего лучше детских загадок придумать не смог? Мы заключили сделку! Говори прямо, Рафаэль! Где Сэм и Зои?!

— Бездомный пес... — эхом повторила за ним Тюльпана, и ее черные ногти вцепились мне в локоть так сильно, что я зашипела от боли. — О нет... Твою мать! Ну ты и козел, Рафаэль!

Она вылетела из магазинчика пулей, потащив меня за собой волоком — я даже не успела всыпать Рафаэлю пару проклятий напоследок! Красная дверь закрылась за нашими спинами, и я обхватила себя руками, пряча лицо от ветра в воротник пальто. Мы пробыли в «Бароне» от силы двадцать минут, но за это время на улице успело порядком похолодать, будто кто-то привез с собой погоду из Вермонта в чемодане. Должно быть, виновата была Тюльпана, мечущаяся по улице со взмыленным видом.

— Он был здесь! — выпалила она, вертя головой. — Ведь Рафаэль слишком высокомерен, чтобы отправить его прочь. Тогда бы он потерял место в первых рядах. Нет-нет... Рафаэль хотел смотреть... Смотреть и глумиться. Как я сразу его не узнала! Сэм не мог далеко уйти.

— Сэм? Ты видела Сэма?!

— Да, видела, и я высокомерная дура!

— Самокритично, — хмыкнула я, но Тюльпана уже пошмыгалась к набережной, цокая по тротуару металлическими шпильками. — Можешь не говорить, куда ты так несешься, но... хотя бы успокой меня. Скажи, что я не зря отдала гримов этому вуду-хлыщу!





просто был *никем*. Забытый, брошенный... И даже не помнящий себя самого.

— Твою мать, — выдохнула я то же самое, что и Тюльпана в магазинчике, как никогда солидарная с ней. — Рафаэль действительно козел!

— Я его даже не признала сначала, — виновато прошептала она, подкрадываясь к Сэму со спины; шаг за шагом, как к лесному зверю, который в любой момент мог броситься наутек. — На нем какие-то чары... Чувствуешь?

Я и впрямь чувствовала что-то вязкое и тугое вокруг головы, почти осязаемое. Что-то облепляло разум Сэма, перекраивая его в угоду Верховному колдуну Вуду. Это нечто не позволяло просачиваться наружу подлинному Сэму — ни его мыслям, ни воспоминаниям. Мощное колдовство, из-за которого он не мог вернуться домой, а еще был невидим для заклятий поиска. Тюльпана демонстративно постучала пальцем по своему компасу, подтверждая это: она думала о Сэме, но стрелка глупо крутилась по кругу.

— Фу, он сейчас это съест! — скривилась я, заметив, как Сэм, взбодрившись при виде недоеденного гамбургера, торчащего из горстки отходов, вдруг потянулся к нему немытыми руками. — Эй!

Тюльпана шикнула на меня, но было поздно: Сэм уже заметил нас и повернулся. Я смогла лучше разглядеть его лицо: чумазое, потрепанное бессонными ночами в канализационных люках в попытках согреться... А еще ужасно напуганное. Я была готова ко всему, кроме этого.

Сэм в ужасе разинул рот, глядя мне прямо в глаза. Тюльпана будто не существовала для него: он видел лишь меня одну и... неистово боялся. Попятившись, Сэм повалил урну, споткнулся об нее и покатился по земле вместе с мусором.

— Сэм, успокойся! — мягко, но требовательно велела Тюльпана, обходя его с другой стороны. — Это мы. Помнишь нас?



— Ее помню, — выдавил он, побелев, как простынь, и отполз еще дальше, когда мы приблизились. Его палец с почерневшим ногтем указывал на меня. — Ведьма, что изувечила маленького Сэма! Ведьма, ведьма!

Прохожие начали оборачиваться, и я стыдливо втянула голову в плечи. Не дожидаясь, пока мы с Тюльпаной сообразим, что делать дальше, он вскочил на ноги и помчался прочь, будто улепетывал от самого Дьявола. Вероятно, так он и думал: Рафаэль наложил на него отнюдь не простые чары забвения...

— Этот гаденыш подменил его воспоминания обо мне! — рыкнула я, но Тюльпана уже бросилась вдогонку за Сэмом. Мне не оставалось ничего, кроме как тоже побежать.

Вывески в Новом Орлеане горели неонов даже при дневном свете. Вскоре все перед глазами зарябило от бега, а узкие улочки смешались в однообразную кашу: я совсем перестала понимать, где мы находимся. Бурбон-стрит определенно кончилась: я вскоре узнала Эспланаде-авеню и навскидку прикинула, что мы пробежали почти целый квартал по набережной Миссисипи в сторону Борегард-Серкл. Эта улица не зря прославилась как «улица богатеев», будучи самой роскошной из креольских частей города: на мое раскрасневшееся лицо смотрели пустые окна отреставрированных особняков и даже резиденция Дюфура-Болдуина с белоснежными капителями на колоннах. От туристов с фотоаппаратами и актеров в медной краске, изображающих безжизненные статуи, здесь некуда было деться. Я протолкнулась через толпу таких, почти теряя копну грязно-морковных волос из виду, и привстала на носочки, пытаясь не потерять хотя бы копну платиновых.

— Да стой же ты! Сэм!

Дыхание сбилось уже на второй минуте погони, и в груди нестерпимо пекло. Зато у Тюльпаны не было никаких проблем с выносливостью, как и у Сэма: оба резво





мчались через весь Новый Орлеан. Им обоим было самое место в полиции, а еще лучше — в олимпийской сборной! Несмотря на месяцы бездомной жизни и голодания, Сэм ничуть не растерял формы и вскоре оторвался от нас обеих, свернув за музеем культуры Бэкстрита.

— *In captionem!* — шепнула я, нырнув в безлюдную подворотню следом, и размытая фигура впереди остолбенела перед кирпичной стеной, возникшей из ниоткуда.

Перейдя на шаг и держась за колющий бок, я медленно дошла до Сэма и Тюльпаны. Последняя была уже наготове, держа руки вытянутыми и медленно наступая. Колготки окончательно разошлись у нее на коленях, а один каблук надломился, заставляя ее неуклюже прихрамывать. И все-таки Тюльпана не ныла и не собиралась сдаваться. Собранная, она будто стала выглядеть старше своих лет — на тот реальный ведьмовской возраст, который еще с юности замедляла молодильными яблоками и кровавыми жертвоприношениями Авроры. Ведь теперь оставалось только одно — вернуть Сэму отнятое, то есть самого себя.

— Не подходите! — вскрикнул Сэм, и взгляд его, подернутый пеленой забвения, лихорадочно метался между нами. По истертым рукавам плаща пустилась в пляс струйка крови: он крепко сжал в пальцах осколок битого стекла, подобранный с земли, что источала запах мочи и помоев. — Ведьмы! Я знаю, что вы делаете с мужчинами! Я не добыча! Я не дамся вам живым!

— Забираю свои слова про твою крышу обратно, — прошипела Тюльпана, когда Сэм повел рукой, приближая осколок к собственному горлу. — Молоток и ведро нужны ему, а не тебе.

Я сглотнула и отодвинула ее рукой, выходя вперед.

— Гвендолин Дрейк. Ты помнишь ее, не так ли?

Сэму будто дали оплеуху. К его щекам прилила кровь, а туман в глазах начал рассеиваться. Он заморгал, сосредотачивая взгляд на мне, — на *настоящей мне*, той, что стояла



перед ним безоружная, а не на том чудовище, каким внушил ему видеть меня Рафаэль.

Я сделала еще один маленький шаг вперед, но остановилась, заметив, что Сэм все еще слишком напуган. Он убрал осколок от горла, но по-прежнему вжимался спиной в иллюзорную стену.

— Гвендолин... — повторил Сэм шепотом, уставившись на стекло в своих руках, будто только сейчас увидел кровь, что текла из рассеченных пальцев и пачкала дырявые рукава.

— Так звали твою маму. Бирюзовая ленточка с запахом шафрановых духов, которой она подвязывала волосы... Ты до сих пор хранишь ее на рабочем столе в полицейском участке.

Затаив дыхание, я сделала еще шаг. Фрагменты прошлого взрывались у Сэма в голове ослепительным фейерверком, завораживая и парализуя. Он тонул в том, чего не мог понять, и полотно чар, облепивших его, трещало. Пользуясь моментом, я подступала все ближе и ближе, не позволяя Сэму всплыть на поверхность и заметить, что между нами осталось меньше метра.

— Ты помнишь, что случилось, когда тебе было одиннадцать лет? Что мама сделала с собой?

Лицо Сэма не дрогнуло, но дрогнули зыбкие чары, не выдерживая. Следя глазами за кровью, капающей вдоль трещин асфальта, он медленно поднял другую руку и приставил два пальца к своему виску, изображая пистолет.

— Бам, — шепнул Сэм, и голова его мотнулась в сторону, как от настоящего выстрела. В этот момент я оказалась к нему вплотную.

Прежде чем он успел оттолкнуть меня, я обхватила ладонями его лицо и крепко сжала. Сэм испуганно охнул, выдернутый из пелены грез, и забрыкался, вскидывая осколок. Тот целился мне прямо в лицо, готовый пронзить насквозь.

— *Excitare memoria et esse te!*

Осколок звякнул об асфальт, выпав из разжавшихся пальцев. Глаза Сэма закатились, и грузное текло обмякло





в моих руках. Я не смогла бы удержать его, даже если бы очень старалась: он весил как десять Штруделей, плотный и бугристый из-за мышц. Сэм просто вбил бы меня в землю, как гвоздь. Поэтому, отскочив в сторону, я позволила ему накрениться и рухнуть там же, где он стоял, минуту назад погруженный в транс, а теперь — в целительный сон.

— Не смотри так! — принялась защищаться я, поймав на себе укоризненный взгляд Тюльпаны, когда что-то неожиданно хрустнуло: кажется, Сэм приземлился на нос. — Это единственный способ ему помочь, который я знаю. Когда очнется, должен быть уже в себе. А у нас пока есть время подумать, что делать дальше.

Я наклонилась и осторожно перевернула его на спину, чтобы он не захлебнулся в луже, а затем брезгливо обтерла руки о штаны.

— Ага, и как теперь волочь такую тушу? За веревку, как санки? — буркнула Тюльпана, затравленно оглядывая переулок, где, к нашему счастью, было так грязно и мерзко, что сюда никто не спешил соваться. — Еще не дай бог подумают, что мы убили бомжа и несем его, чтобы сдать на органы. Придется украсть машину... Снова. Какой цвет предпочитаешь? Красный? Видела тут на парковке «Шевроле», пока мы бежали...

Я присела на корточки возле Сэма и потерла давящие виски. Амнезия в мои планы не входила, но это многое объясняло. Например, его «Форд», брошенный вместе со всеми документами и вещами на обочине Эббивилля. Наверняка Рафаэль поручил отогнать туда авто одному из своих колдунов, чтобы отвести подозрения от Нового Орлеана. Ведь когда Сэм явился в город за Зои, Рафаэлю не оставалось ничего, кроме как устранить и его тоже, чтобы тот не доложил обо всем в Шамплейн. До чего же его, наверное, забавляло это зрелище — снующий перед магазинчиком бездомный, просящий милостыню, который еще недавно угрожал тебе расправой и «Глоком»! От мысли, что кто-то так обошелся

с одним из моих друзей, у меня чесались кулаки и горели вены.

— Эй, Одри, ты меня слушаешь? Я говорила...

«А ее он всегда держит поближе к сердцу...»

Не обращая внимание на Тюльпану, я придвинулась к Сэму и забралась пальцами ему под куртку. Прожженная сигаретами, она была буквально пропитана запахом тех невзгод, что ему довелось пережить. Судя по зеленым и коричневым пятнам, иногда спать Сэму приходилось прямо на сырой земле. Я сочувственно поморщилась, обыскивая его внутренние карманы. Пусто, пусто, пусто...

А это что?

Я вытащила на свет визитку из мелованной бумаги, белую, безупречную и ничуть не помятую. Сложно было поверить, что ее подложили Сэму не специально. Причем совсем недавно. Я изучила пальцами рельефный конгрев и мысленно отметила, что до Ибирвилл-стрит, указанной на обратной стороне, всего пятнадцать минут ходьбы.

— «Железная дева», — прочитала Тюльпана, бесцеремонно выдернув визитку у меня из рук. Наклонив ее так, чтобы свет заиграл на бумаге, она внимательно всмотрелась в голографическое изображение львиной пасти, которое показывалось лишь под определенным углом. — Что это? Бар?

— Похоже на то. Проверим? Только сначала надо спрятать Сэма...

— Да ладно, пусть валяется, — отмахнулась Тюльпана, вкладывая визитку под крышку компаса, чтобы тот указал нам кратчайший путь. — Кому он нужен? На обратном пути подберем.

— У тебя совсем сердца нет.

— Спасибо.

Даже не рассматривая такой вариант, я молча обошла Сэма и взяла его под мышки, с кряхтением таща по асфальту до ближайшего угла, куда можно было подогнать машину. Этим Тюльпана и занялась, чтобы не помогать мне: уже че-





рез несколько минут благодаря ее мороку и ловкости рук, укравших ключи с брелоком-сердечком, мы затолкали Сэма на заднее сиденье красного «Шевроле».

— Как закончим, вернем машину владелице, — пообещала Тюльпана в ответ на мои вопли о том, что теперь Коул точно посадит меня за решетку. — Если будет не лень, конечно.

Убедившись, что Сэм дышит, мы надежно заперли автомобиль и двинулись на зов компаса. Впрочем, мы могли бы справиться и без него: бар действительно оказался в пешей доступности. Пятнадцать минут пешком вдоль автострады, окруженной уютными кафе и фонтанчиками с милующимися влюбленными парочками, — и вот перед нами такой же захудалый переулок, в каком Сэм едва не вспорол себе горло. Там, абсолютно неприметное, стояло здание в несколько этажей. На первом, с широкими окнами до потолка, располагался тот самый бар — над дверью мигала нелепая вывеска в форме краснотубой блондинки, одетой в рыцарскую кольчугу. Вот она, значит, какая — «Железная дева».

Сметая нас с Тюльпаной с прохода между домами, внутрь бара ввалилась компания байкеров. Они громко ругались между собой на испанском, и благодаря мимолетным урокам Диего я смогла разобрать «лучший бренди в городе» и «горячие цыпочки». Словом, это место ничем не отличалось от прочих: как и везде в Новом Орлеане, здесь за небольшую плату тебя были готовы напоить до отвала и накормить сытным гумбо. Лишь вместо джаза играло задорное кантри — и это место тут же стало нравиться мне чуточку больше.

— Выглядит... интересно. И пахнет крылышками барбекю, чувствуешь? Ох, как давно мы не ели! — воодушевилась я, ткнув Тюльпану под ребра, но едва моя нога ступила на лестницу, как она вдруг схватила меня за шкирку и оттащила назад.

— Слишком качественная визитка для такого захолустья, — поделилась Тюльпана своими детективными наблю-



дениями, вынув карточку из-под крышки компаса. — Ты хоть знаешь, как дорого стоит серебряный конгрев? А это название... «Железная дева»...

— Ты накручиваешь, — закатила глаза я, борясь не только с чувством голода, но и с усталостью. Стоило мне подумать, что я привыкла к насыщенным уик-эндам Верховной ведьмы, как жизнь снова находила способ взболтать меня, словно тесто в миксере. — Это обычный бар, Тюльпана, где Сэм наверняка опохмелялся на те деньги, что выпрашивал у горожан...

— «Железная дева», — будто не слыша меня, повторила она. — Ты знаешь, что это такое? Это второе название «Нюрнбергской девы» — средневекового орудия пыток. Тебя правда ничего не настораживает? Разуй глаза и посмотри на визитку, Одри!

Я заторможенно взяла ее из побелевших рук Тюльпаны и наклонила перед лицом. Голография замерцала, и львиная пасть разинулась, проглатывая тисненное название. Снова взглянув на бар, я сощурилась, выискивая на нем хотя бы маленькое изображение льва, но рисунок на визитке действительно казался лишним и не имел никакого отношения к месту.

— Скажи, Коул когда-нибудь рассказывал тебе о своей семье? — спросила Тюльпана внезапно, понизив голос. — Об охотниках на ведьм. Ты никогда не замечала, что у дверей христианских церквей часто строят статуи львов? Они олицетворяют величие Христа, «царя Иудейского», заступника веры и вразумляющего тех, кто отвернулся от нее.

— Орден? — догадалась я, и от одного лишь этого слова во рту у меня пересохло. — Коул говорил, от него почти ничего не осталось...

— От Шамплейн когда-то тоже почти ничего не осталось, однако же ты здесь.

Такой аргумент звучал убедительно. Кусая внутреннюю сторону щеки, я переступила с ноги на ногу и снова pokrutila в руках визитку.





— Думаешь, такими визитками помечают места сборищ охотников? — решила уточнить я, и блестящий лев снова приковал к себе мой взгляд. — Эти голограммы — путеводитель для избранных?

— Без понятия, Одри. Я знаю лишь одно: стоит нам туда войти — и если это действительно одно из пристанищ Ордена, мы оттуда уже не выйдем. Ведьм, переживших встречу с охотниками, можно пересчитать по пальцам одной руки. И твой Коул не в счет, — сурово отрезала Тюльпана, разбивая в прах все мои надежды. — Ни он, ни Гидеон и рядом не стояли с теми, кто посвятил геноциду нашего рода всю свою жизнь.

— Ты права, — признала я, пряча визитку в карман пальто. Запах одеколona и чабреца, сохранившийся на ткани, придавал уверенности, крупички которой мне пришлось собрать в кулак, чтобы сказать: — Вдвоем идти слишком рискованно. Будь здесь и, если что пойдет не так, позвони Коулу и сообщки, где мы.

Тюльпана взметнула одну бровь вверх, но не проронила ни слова. Феноменально: Тюльпане, и нечего сказать, ха! Но она не была Коулом, который давал клятву следовать за мной даже в кромешный мрак и ложился на амбразуру, лишь бы не позволить мне совершить глупость. Тюльпана являлась ведьмой ковена Шамплейн и подчинялась его Верховной, как подчинилась бы ей я, поменяйся мы местами. Так было заведено, и незачем менять заведенный уклад. Она прекрасно знала это.

— Коул тебя убьет, — сказала Тюльпана равнодушно и окинула бар осторожным взглядом. — Иди и помни, что охотники пускай и не восприимчивы к магии, но они все еще смертные. Они не знают, кто ты такая, поэтому у тебя есть преимущество.

Я кивнула:

— Хорошо. У тебя есть салфетка?

Тюльпана непонимающе нахмурилась, но послушно протянула мне ее, испачканную пятнами сладкой гор-



чицы, хот-доги с которой мы съели, посетив по пути к Рафаэлю привокзальную закусочную. Я взяла салфетку в руки и, стараясь не измазаться, разгладила ее пальцами, мысленно визуализируя образ, не дающий мне покоя.

«Мадам Саламандра. Но вообще меня зовут Зои».

Я помнила нашу первую встречу так же отчетливо, как и тот миг, когда возродила свой ковен, услышав долгожданную клятву по дороге в Берлингтон. Гадальная лавка Зои была средоточием всех традиций и культур: восточные орнаменты, греческие плеяды на стенах, благовония из мирры и ладана, элегантный сюртук из шалона на ассистенте. Я представила, будто снова нахожусь там — в маленькой комнатке, где, устроившись на пуфе в позе лотоса, Зои мирно попивает свой молочный улун. Цветастые юбки из флиса, пунцовая повязка, браслеты на запястьях и щиколотках. Оливковая кожа, желтые глаза с малахитовыми прожилками и зрачками несколько уже, чем принято у людей. Я представила, как Зои улыбается мне, как здоровается, точно впервые, и смеется, собирая вещи. Я вообразила, будто она здесь, прямо передо мной, и я могу спасти ее, не теряя.

Закрыв глаза, я выдохнула свое воспоминание на салфетку. Оно проступило на ней чернильным рисунком, превратив ветхую бумагу в цветную фотографию из плотного картона, на которой была изображена Зои. Она щурила глаза, смешно приоткрыв рот, точно сфотографировали ее во время бурного монолога.

— Зачем тебе это? — спросила Тюльпана, когда я спрятала мое первое воспоминание о Зои в карман к мелованной визитке. — Что ты задумала?

— Если Рафаэль отдал Зои охотникам, — сказала я, на самом деле ничуть в этом не сомневаясь, — то кто-то в баре должен знать, куда ее увезли. Ты сказала, мое преимущество в том, что они не знают, кто я такая... Но что,





если оно в другом? В том, что они, наоборот, *будут знать* правду обо мне?

Лицо Тюльпаны вытянулось, но возразить она не успела — я уже проскочила под руками гогочущих мужчин, хлынувших шумной гурьбой на улицу, и оказалась внутри «Железной девы». Дверь захлопнулась, и я почувствовала себя так, будто действительно залезла в живое орудие пыток — вокруг стальные шипы без просветов. Одно неосторожное движение — и они раскроют тело в бесформенное месиво.

Этими шипами были пьяные мужчины и женщины, каждый из которых мог оказаться убийцей, выращенным с единственной целью — уничтожить подобных мне. Но для туристки, которая якобы заглянула в этот бар по чистой случайности, они выглядели весьма безобидно: смеющиеся, опрокидывающие стопку за стопкой, в черных кожанках, как у Диего, и многие с таким же пирсингом на лице. Розовый неон заливал все вокруг, а музыкальный автомат в углу пел, не переставая: кантри сменил хард-рок, и несколько байкеров оживились, потянувшись друг за дружкой к бильярдному столу.

*Железная дева, захлопни объятия,
Ведьмы боятся тебя пуще распятия.
Они боятся шипов, что торчат изнутри,
Боятся заснуть и проснуться внутри.*

«Да вы издеваетесь», — подумала я. Наверняка эта песня была любимой у местных завсегдатаев: кто-то кинул в музыкальный автомат монетку, ставя ее на повтор, и даже бармен начал пританцовывать.

*Железная дева, подари поцелуй,
Кровью цветы на них нарисуй.
Колыбельной станет рокот мечей,
Ласка гвоздей снимет мясо с костей!*



В воздухе повис тяжелый смог от сигарет и запах абсента. Ненавязчиво осмотревшись, я прошла уверенной походкой до барной стойки, натянув на лицо то самое выражение, с которым мне приходилось жить много лет до встречи с Коулом, — обаяние, безразличие и немного придури.

— Одну «Текилу Санрайз», пожалуйста.

Бармен смерил меня оценивающим взглядом, и, смирившись с тем, что никогда не смогу купить себе без паспорта ничего крепче пива, я показала свое удостоверение. Точнее, просто раскрытую ладонь, взглядевшись в которую бармен, зачарованный, принялся послушно открывать бутылку.

От сердца у меня отлегло: раз иллюзия действует, значит, передо мной не охотник. Неужели Тюльпана поспешила с выводами?.. Дожидаясь порцию текилы, я еще раз осмотрела бар. Несколько парочек переместились поближе к окну: то едва пропускало свет, заставленное декоративными бочками и панно. Так и не заметив ничего интересного, я обхватила губами трубочку поставленного бокала и решила действовать напрямик.

Если не могу найти сама, то пусть найдут меня.

— Я тут потеряла кое-кого... — начала я, когда мне удалось привлечь внимание бармена десятью долларами на чай. — Подруга не отвечает на звонки. Она живет тут неподалеку, вдруг к вам заглядывала?

Я говорила нарочито громко, перекрикивая музыку из проигрывателя и не стесняясь тех недовольных взглядов, которые бросали на меня соседние столики. Улыбаясь во весь рот, будто совсем не понимая, где нахожусь, я продолжила:

— Она моя ровесница, только чуть повыше, — и отмерила рукой примерное расстояние над полом. — Темная кожа, как у вас, черные вьющиеся волосы и очень необычные глаза. Словом, красotka! Ее зовут Зои, но иногда она любит говорить, будто ее зовут Мари. Обожает всякие вуду-штуки и колдовство! Ой, то есть эзотерику... Вот, взгляните.





Лишь закончив говорить, я протянула бармену салфетку-фотографию и принялась внимательно вглядываться в его лицо, чтобы не упустить ни одну перемену в нем. Но бармен совсем не удивился и ничем себя не выдал: лишь уголок его губ дернулся в похотливой ухмылке, а татуированные руки стали протирать стакан так усердно, что тот заскрипел, моля о пощаде.

— Не-а, никогда ее не видел. Действительно красивая. Я бы такую не пропустил!

Разочарованно спрятав фотографию, я откинулась на спинку стула и задумчиво помешала коктейль, якобы не замечая шевеление в углу бара. Тяжелая поступь почти заглушила музыку. Возможно, так казалось только мне, обратившейся в слух и затаившей дыхание в ожидании. Незнакомец вразвалку прошелся до барной стойки и остановился совсем рядом, задев меня локтем.

— Все в порядке, Микай? — спросил он голосом, хриплым от сигарет «Данхилл», пачка которых торчала из переднего кармана его куртки. Я вдохнула запах кукурузного виски, но не повернулась, до последнего изображая безучастность. — Помощь с баром не нужна?

Черноглазый юноша с короткими смоляными волосами привалился к стойке боком и подался ко мне. Я медленно проскользила взглядом от перстня с черным опалом на его руке до ветви оливкового дерева, вытатуированной на шее. Мускулистый и светложкий, с греческим профилем, юноша явно был не старше меня. Однако, несмотря на возраст, руки у него были как у закаленного бойца: мозолистые, сухие, со вздувшимися венами и разбитыми костяшками. Так же выглядели руки Сэма — вечного любителя драк и проблем на свою задницу. Он научил меня, что от людей с такими руками никогда не стоит ждать добра.

— Девочка свою подругу разыскивает, — объяснил бармен. — Взгляни на фото, Дарий, может, видел ее? Ты порой



здесь чаще меня ошиваешься, да и каждую девчонку знаешь. Только по тому, что под юбкой, правда...

Так называемый Дарий пропустил остроту мимо ушей, сосредоточенный на мне. Глядя ему в глаза так же бесстрашно, как я уже не раз смотрела в глаза смерти, я молча протянула Дарию фотографию.

— Как, говоришь, ее зовут? — спросил он, нахмутив брови.

— Зои.

Дарий всмотрелся в фото. Глянцевое лицо Зои на снимке отразилось в черных зрачках, но не встретило ответной реакции... Потому что для охотников то была не фотография, а обычная бумажная салфетка. Коул бы на месте Дария растерялся и тактично намекнул мне, что я сошла с ума, но этот притворялся мастерски. А я была абсолютно уверена, что это притворство: на миг рот его скривился, взгляд забегал, ища, за что же зацепиться. Под гнетом железного самоконтроля, который таким, как он, прививали с детства, он все-таки совладал с собой и устоял на пятно от горчицы. Изобразив глубоко задумчивое выражение, Дарий пожал плечами.

— У нее такие красивые... глаза. Желтые, как янтарь, правда? — произнес он и покосился на меня: угадал ли? Я улыбнулась, заставляя его испустить вздох облегчения, ведь он действительно угадал. Ему не нужен был никакой снимок, чтобы сложить два и два: понять, кого я ищу, и догадаться, что этого самого человека он пытал накануне. — Хм, Зои, говоришь... Увы, никогда ее не видел.

«Ты чувствуешь этот смрад? Кислый, как уксус. Так пахнет ложь».

— Жаль, — вздохнула я, забирая фотографию назад.

Соседний стул отодвинулся и скрипнул под весом Дария. Он уселся рядом и улыбнулся во весь рот. Надо признать, улыбка у него была обворожительная. Даже небольшие сколы на передних клыках придавали шарма. Поче-



му-то мне подумалось, что это не единственная отметина на его теле, оставленная наследственным промыслом.

— Хочешь выпить? — предложил вдруг он, маскируя свой охотничий интерес ко мне под романтический. — Если ты не местная, то просто обязана попробовать «Сазерак»! Пила его когда-нибудь?

— Хм, кажется, нет.

— Это фирменный новоорлеанский коктейль. Бурбон, коньяк, абсент, биттер пишо — что может быть лучше? Заодно расскажешь, что стряслось с твоей подругой... Как тебя там зовут?

— Дарси, — представилась я, устроившись на стуле удобнее и тем самым приняв щедрое приглашение. — Я из Балтимора. Пару месяцев назад подруга отправилась в Новый Орлеан по учебе, а потом перестала выходить на связь. Я забеспокоилась... ну и приехала разузнать все сама. Даже не знаю теперь, где мне ее искать. Вся семья всполошилась!

— Значит, вы родственницы? — с любопытством поинтересовался Дарий.

— Не совсем... Сестры по духу, я бы сказала. У нас большое... сообщество. Женское, — протянула я, делая вид, что подбираю слова с осторожностью, стараясь не проболтаться.

Дарий клюнул легко. Если обычным мужчинам, чтобы одурачить их, нужно было показать декольте, то таким, как он, нужно было намекнуть на свою принадлежность к ковену. Так просто, что даже скучно.

Щелкнув пальцами, чтобы привлечь внимание бармена, Дарий крикнул ему на другой конец стойки:

— Эй, Микай, налей мне как обычно. А девушке сделай «Сазерак» по нашему фирменному рецепту. И биттер пишо не жалея! Вкус похож на лакрицу. Тебе точно понравится.

— Не сомневаюсь.

Я послушно дождалась, когда бармен смешивает с несколькими кубиками льда лошадиное количество алкоголя



и украсит все это долькой апельсина. Готовая жидкость в граненом бокале оказалась оранжево-золотой и действительно пахла лакрицей с нотками цитруса. Я повела над бокалом носом и, пока Дарий тянулся за бурбоном, наклонила его, лизнув бортик.

«Это не «Сазерак».

Всего в одной капле коктейля я узнала своего брата. Он был во всем: в медово-горчичном вкусе, оседающим на языке; в сладком травяном аромате, внушающем доверие, но отравляющем; в солнечном цвете напитка, навевающим воспоминания о бархатных цветочных лепестках. Если правильно растолочь их и выпить даже полстакана, сон пленит мгновенно. В первый раз, когда меня обманом заставили сделать это, умерла вся моя семья. Во второй раз могла умереть уже я.

«Не лакрица... а маттиола».

И никакой биттер пишо не смог бы ее замаскировать. Абсент притуплял вкус, сбивал с толку и путал, но недостаточно. В коктейле определенно была маттиола — любимая сонная трава Джулиана.

— За знакомство? — улыбнулся Дарий, поднимая свой стакан с бурбоном.

Секунда колебаний, которую он не заметил. Мимолетный взгляд на окно, за которым осталась вся моя надежда. Глубокий вздох перед тем, как впасть в отчаяние.

— За знакомство, — сказала я, осушая коктейль до последней капли.

III

САД ПРОЗЕРПИНЫ

Здесь было тепло, мягко и уютно. Полный штиль — никакого ветра. Казалось, я дышала не воздухом, а вином — вязким и опьяняющим. Чистое небо цвета сизого бархата, каким был обит мой гримуар, источало искрящийся свет. Его жидкий янтарь пролился на мою кожу и затопил собой весь мир. Этот же янтарь держал мое тело в объятиях, заставлял плыть в невесомости. Два серых глаза напротив — единственное, что выделялось на фоне прекрасной золотой вселенной.

— «Здесь, где цветов и злаков не выбьется росток, растет лес мертвых маков, безжизненный осок. И Прозерпина в чащах трав тех, дурман таящих, для непробудно спящих готовит сонный сок»¹, — прочитал Джулиан, раскрыв томик Алджернона Чарльза Суинберна на коленях. — Ты знаешь, куда он везет тебя, милая Прозерпина?

Я фыркнула, подложив руки под голову, и с разочарованием взглянула на Джулиана:

— А тебе какая разница? Лучше продолжай читать.

Как всегда, сделал все наоборот, Джулиан захлопнул книгу и плюхнулся рядом — на податливую и упругую поверхность моего сна.

¹ «Сад Прозерпины». Перевод М. Донского.

